

18+

Елена Новикова

Я тебя спасу

Елена Новикова

Я тебя спасу

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69485764
ISBN 9785006032835*

Аннотация

Катя Смирнова не вернулась домой с прогулки. Встревоженные родители начинают поиски дочери. К поискам подключаются полиция, волонтеры и блогер. Тело мёртвой маленькой девочки находят в заснеженном городском парке. Только на опознании оказывается, что это не Катя Смирнова. Следователь Сkochилова и майор Дмитриев ищут того, кто забирает маленьких девочек с улиц большого города. На этом пути им предстоит не только вычислить преступника, но и притереться характерами. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	31
Глава 3	44
Глава 4	73
Глава 5	105
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Я тебя спасу

Елена Новикова

© Елена Новикова, 2023

ISBN 978-5-0060-3283-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

– Её нет уже очень долго! – Вика стояла у окна и, заламывая руки, смотрела на улицу.

– Ну, что ты как курица-наседка? – буркнул муж. – Время шести нет, что ты переживаешь?

– Ты в окно смотрел? Там темно!

– А ты помнишь, как мы в её возрасте гуляли? Пока штаны к жопе не примёрзнут, домой не шли. Тем более суббота. У ребёнка должны быть выходные. Она целыми днями то в школе, то в кружках. Пусть погуляет.

– Да как ты не понимаешь? – Вика с раздражением задёрнула штору. – Когда мы были маленькими, время было другое!

– Вот ты завелась, – Семён поднялся из-за стола, оставив кружку с недопитым чаем. – Как старая бабка, честное слово. Никуда не денется, придёт. С подружками, поди, загулялась. Или с кавалером.

Мужчина хохотнул, стараясь разрядить обстановку.

– Сёма, уйди! – в глазах Вики появились слёзы.

Она отвернулась к окну, снова раздвигая штору. Ей было беспокойно, ныло сердце, отдавая под лопатку и в левый локоть. Муж потоптался за её спиной, вздохнул и пошёл в комнату к телевизору.

Половина шестого вечера. На улице стемнело, зажглись

фонари. Температура падала, давно преодолев отметку в пятнадцать градусов мороза. С неба сыпала мелкая снежная крупа. Поднявшийся ветер, подхватывал снег и швырял его в лица прохожих.

Катя должна была вернуться с прогулки ещё полчаса назад. Но она всё не приходила. Минутная стрелка перескакивала с цифры на цифру, часовая – сдвигалась. Никто не стучал в дверь и не звонил в звонок, который давно следовало поменять на более благозвучный.

Виктория раз за разом набирала телефон дочери, но слышала лишь длинные гудки. Материнскому сердцу становилось тесно в груди.

– Вик, – голос Семёна заставил женщину вздрогнуть, – позвони её подружкам. Восемь часов всё-таки. Уже, как бы, пора домой.

Мужчина нервно почесал затылок, беспокойство за дочь начало пробирать и его. Последние минут двадцать он сидел перед телевизором и не понимал ни слова из того, о чём говорили в программе. Его Катя – послушный ребёнок, не доставляющий забот. И вот она задерживается больше, чем на час. А что, если упала и сломала ногу? Или потеряла телефон, раз жена не может дозвониться, и боится идти домой, чтобы её не заругали?

– Света? Это Вика Смирнова, мама Кати. Она у вас? – Виктория перебирала одноклассниц дочери, с которыми та общалась. – Нет? А ваша дома? Извините. Всего доброго.

– Марина, привет! Катюшка не у тебя?

– Здравствуй, Лика, это тётя Вика. Катя у тебя в гостях? А ты её сегодня видела? Ты у бабушки? Хорошо.

– Светлана, добрый вечер! Что? Я уже звонила? Извините.

С каждым звонком и коротким разговором в голосе Виктории появлялось всё больше отчаяния. Кати нигде не было! Девочка просто вышла из дома и растворилась. От волнения Вика несколько раз набирала одни и те же номера, извинялась и тут же набирала их вновь.

– Я не могу! Сень, что-то случилось! – на короткий миг она прижалась к мужу.

– Всё будет хорошо! – он погладил жену по спине. – Она найдётся. Ты же не всех обзвонила?

Вика мотнула головой, вытерла ладошкой слёзы и снова взялась за телефон. Катюша – общительная, весёлая девочка, с ней дружат и девочки, и мальчики, и дети из других классов. А ещё художественная школа и кружок по математике. «Она заигралась. Просто потеряла счёт времени. Сейчас я её найду, и всё будет хорошо» – уговаривала себя Виктория, ожидая, пока следующий абонент возьмёт трубку.

– Привет, это Вика.

– Привет! – жизнерадостно отозвалась Лена, мама Альбины, с которой Катя ходила на рисование. – Как дела?

– Лен, Катя не у вас?

– Нет. А что случилось? – голос женщины стал серьёзным.

– Ушла гулять и не возвращается. Я не знаю, что делать!

– Подожди, – попросила Лена и крикнула дочери: – Аля, ты Катюху видела сегодня?

– Да! – так же громко отозвалась девочка. – Мы на площадке играли.

– Во сколько? – всполошилась Виктория, сильно прижимая телефон к уху, чтобы ничего не пропустить.

– Ну, моя, час с небольшим как дома, – отозвалась Елена и спросила дочь: – А Катя куда пошла?

– Не знаю. Ты же меня раньше загнала! А там новая горка!

– Спасибо! – Вика отключила звонок. – Ты слышал?

– Я поехал, – Семён на ходу заправлял футболку в джинсы.

– Я с тобой! – Вика бросилась следом.

– Нет, – остановил её муж.

– Почему?

– Кто-то должен остаться дома. Вдруг Катя вернётся, а нас нет. Она испугается.

– Но...

– Вик, я справлюсь. Она и моя дочь тоже.

На машине Семён домчал до детской площадки, куда Катя обычно уходила гулять, за пару минут. Больше времени ушло на прогрев двигателя. Погода совсем испортилась, пришлось включать дворники, чтобы хоть как-то видеть дорогу.

Качели, маленькие домики, горки, занесённая снегом пе-

сочница, лавочки по периметру и забранная высокой сеткой волейбольная площадка. Ветел несильно раскачивал пустые качели, наполняя площадку скрипом. Тревога гнала Семёна вперёд. Мужчина видел, что здесь нет никого, даже следов на тропинках, на которых уже начали формироваться сугробы. Но всё равно побежал к домикам, откуда мамыши постоянно гоняли местных алкашей, а летом, бывало, ночевали бомжи. В одном домике валялась пара пустых пивных банок, во втором – только снег.

Семён встал посреди площадки, завертел головой по сторонам. Свет фонарей не оставлял ни одного тёмного уголка, где можно было бы спрятаться.

– Катя! – приложив руки рупором ко рту, прокричал мужчина. – Катя!

Где-то залаяла собака. Холодный ветер пробирался под не застёгнутую куртку, щипал голые руки и щёки. Семён набрал побольше воздуха и снова позвал дочь:

– Катя!

Вокруг площадки дома. Тёплый свет из окон, в некоторых всё ещё перемигиваются гирлянды. За домами широкая дорога, по ней едут в обе стороны машины. Через дорогу снова жилые дома, на их первых этаж магазины и салоны красоты. А потом большой парк, где высокие старые сосны и берёзы, где в любое время года гуляют собачники, пенсионеры и влюблённые.

А Кати нет.

Зазвонил телефон. Семён негнушшимися пальцами вынул аппарат из кармана и долго не мог ответить – сенсор никак не реагировал на замёрзший палец.

– Пришла? – с надеждой спросил он.

– Ты её не нашёл? – с отчаянием произнесла Вика, которая с момента как муж вышел за дверь, не могла найти себе места.

– Тут никого.

– Господи! – из глаз женщины покатались слёзы.

– Вика, я найду её, слышишь? Поезжу по улице и найду!

– Надо звонить в полицию.

– Звони! – согласился Семён.

Он побежал к машине, оглядываясь, надеясь увидеть дочь, выходящую из какого-нибудь подъезда, где, может быть, пряталась от непогоды или загостилась у подружки, про которую Вика не знает.

Мелкая собака принялась лаять на него, дёргая поводок, за который её держала пожилая женщина в лыжном костюме.

– Бася, нельзя, – строго сказала хозяйка, потянув поводок к себе.

– Здравствуйте! Вы девочку здесь не встречали? – обратился к женщине Семён. – Красная курточка, синяя шапка.

– Ну, тут-то много детей бывает. А что?

Видя, что хозяйке ничего не угрожает, Бася успокоилась и даже понюхала незнакомца.

– Дочку ищу.

– Вы мне фотографию покажите, может, вспомню.

– Да, да, точно, сейчас, – засуетился мужчина.

Впопыхах он открыл не то приложение, попытался его закрыть, но никак не мог попасть на «выход». Галерея телефона наконец открылась – множество скриншотов по работе, какие-то дурацкие картиночки, которые шлёт Вика, чтобы поднять ему настроение; фотографии деталей для машины, которые надо заказать в магазине; снимки, присланные друзьями. Катя! Летняя фотография из отпуска. Девочка в купальнике и надувном круге на фоне гостиничного бассейна. Улыбается и показывает пальцами «виктори».

– Вот, – Семён показал фотографию.

Женщина, щурясь от снега, всматривалась в изображение, а он мог думать только о том, как мало у него кадров с дочерью. Только Вика снимает их семью, ловя моменты из жизни. «Неужели все эти отчёты и таблицы так нужны»? – подумал Семён.

– Извините, – собачница вернула телефон. – Может и вида, может нет. Так не могу узнать.

Невнятно поблагодарив женщину, Семён дошёл до машины. Ещё раз оглядел пустую площадку, прилегающий двор, дома, двери в подъезды.

– Катя! – прокричал мужчина так громко, как только мог.

В ответ ему загавкала Бася, которую хозяйка почти довела до своего дома. За чужим окном на втором этаже отодвинулась штора, и кто-то выглянул в окно, но быстро потерял

интерес.

Семён сел в машину, завёл её и медленно поехал мимо домов, всматриваясь в снежную круговерть, надеясь увидеть маленький знакомый силуэт.

Руки дрожали, в коленях появилась слабость, а сердце колело. Виктория наматывала круги по квартире. Она то подходила к кухонному окну, прижималась к нему лбом, чтобы посмотреть на входную дверь. То шла в Катину комнату, поправляла покрывало на кровати, раскладывала стопочкой учебники на полке, переставляла карандаши и ручки в стаканчике. Потом отправлялась в их с Семёном комнату, присаживалась на краешек дивана, но тут же вскакивала и снова повторяла маршрут. Минуты текли, как загустевший мёд. А часы без Кати сменяли друг друга, как вдох и выдох.

После звонка Семёну, женщина готова была рыдать в голос. Слезы отчаяния душили, в горле встал комок, глаза пекло и всё перед ними расплывалось. Заставляя себя дышать глубоко и часто, Вика кое-как справилась с сильным волнением, подавив приступ паники.

– Дежурный лейтенант Агеев, слушаю вас, – отозвалась трубка уверенным мужским голосом.

– Здравствуйте. У меня дочь пропала, – Вика всхлипнула.

– Возраст ребёнка?

– Одиннадцать лет.

– Давно пропала?

Вика посмотрела на настенные часы. Она так часто на них смотрела, но, когда задали вопрос, никак не могла посчитать.

– Алло, вы меня слышите? – спросил полицейский громче.

– Да. Она ушла гулять около двух.

– Сегодня? – уточнил лейтенант Агеев.

– Да! И до сих пор не вернулась. И не берёт трубку. И её нигде нет!

– Вам нужно приехать к нам и написать заявление.

– Вы её найдёте?

– Женщина, вы должны приехать в отделение и написать заявление. Без заявления мы ничего не сможем сделать.

– Да, да, конечно. Я сейчас!

– Возьмите с собой фотографию и документы на ребёнка, – посоветовал полицейский.

– Хорошо! Спасибо! До свидания!

Разговор с полицией придал Виктории сил. Надежда на то, что вот сейчас Катю быстро найдут, заставляла действовать. Женщина бросилась к шкафу, обрывая шлёвку, сняла с вешалки джинсы. Прыгая на одной ноге, вторую продевая в штанину, она набрала номер мужа, включив громкую связь.

– Пришла? – взволнованно спросил Семён.

– Нет. Надо в полицию ехать, заявление писать.

– Жди меня. Я минут через десять подъеду.

– Мне пешком быстрее! Сём, сразу туда подъезжай.

Закончив говорить, Вика взяла из комода папку со всеми документами и побежала в комнату дочери. Вырвав листок из верхней тетради, она крупными буквами написала: «Котёнок! Срочно позвони маме или папе! Мы волнуемся» и ярким фломастером дописала свой номер телефона и номер Семёна. Вдруг девочка действительно потеряла смартфон и просто не может с ними связаться?

Прикрепив бумажку на входную дверь, Вика побежала вниз по ступеням, на ходу застёгивая куртку.

Холодно! В снежной круговерти плохо видны соседние дома. Редкие прохожие быстрыми шагами спешат по тротуарам. Виктория то срывалась на бег, чтобы поскорее попасть в отделение полиции, то почти останавливалась и высматривала в чужих дворах Катю. Но детей на улице вообще не было.

Из-за волнения, снова переходящего в панику, женщина не заметила патрульную машину, отъезжающую от отделения. Красно-синие всполохи мигалки разрывали ночную темноту, а фары высвечивали конусы света. Вика заметалась в лучах, как испуганное животное, совершенно растерявшись. Полицейский за рулём коротко нажал на клаксон. Резкий звук заставил вздрогнуть и поскорее убратсья с проезжей части.

Тяжело дыша, будто пробежала марафон, Вика вошла в здание. Большой холл, освещённый длинными яркими све-

тодиодными лампами, забранными мелкой сеткой. У стен стандартные кресла, соединённые по четыре в секцию. Кабинеты с табличками. Отгороженный решёткой угол, где на простой лавке, отвернувшись спиной ко всем, спал какой-то мужчина.

– Женщина, что у вас? – спросил дежурный, меняющий ориентировки на стенде.

– Я вам звонила. У меня дочь пропала! – подбежала к нему Виктория. – Мне нужно заявление написать.

– Нужно, значит напишите, – покивал дежурный, комкая листок с устаревшей информацией. – Вон там присядьте.

Он указал на пустые кресла у стены. Вика неуверенно на них посмотрела.

– А... – начала она.

– Посидите. Сейчас дознаватель освободится и займётся вами.

– Хорошо. Да. Да, я подожду.

Виктория никогда раньше не сталкивалась с полицией, видя работу стражей порядка только по телевизору. И реальность слишком сильно отличалась от того, что показывали в сериалах. Женщина села на краешек кресла, опасно качнувшегося вперёд. Прямо перед ней на стене висели большие часы. Начало десятого.

Каждая хлопнувшая дверь, каждый проходящий мимо человек в полицейской форме заставляли Викторию напрягаться – вот сейчас на неё обратят внимание! Сейчас она рас-

скажет о Кате и её тут же станут искать. И найдут. И вернут ей. И они все вместе пойдут домой. И будут вспоминать этот день, как приключение. Будут смеяться, пересказывая знакомым и родственникам.

– Вика, что? – Семён влетел в отделение и тут же увидел жену. – Написала?

– Нет. Дознавателя жду.

– Что за проволоочки?

– Ну они же тоже работают, – Вика попыталась найти хоть что-то, за что можно зацепиться, не дать нервам окончательно разгуляться.

Семён сел рядом, не глядя нашёл руку Вики, сжал её ладонь. Левой ногой он нервно постукивал по полу и никак не мог заставить себя перестать это делать. В нервном молчании супруги просидели ещё пятнадцать минут. Никто не обращал на них внимания. Где-то из-за закрытой двери раздавался грубый многоголосый смех.

– Издевательство, – сквозь зубы сказал Семён, решительно поднимаясь.

– Куда?

Семён только отмахнулся, направляясь к дежурному.

– Слушаю вас, – полицейский посмотрел на подошедшего мужчину.

– У нас дочь пропала, а вы нас здесь маринуете! Примите заявление. Найдите её.

– Я же уже сказал вашей жене, что нужно подождать до-

знавателя.

– Сколько можно ждать? Вы понимаете, что она где-то там? – Семён ткнул пальцем в сторону улицы. – Одна. А вы нас здесь мурыжите.

– Гражданин! Я всё понимаю. Но вам нужно дождаться дознавателя. Он примет заявление, составит ориентировку, допросит вас.

– Допросит?

– Присядьте на место, – в голосе полицейского не было ни издевательства, ни сочувствия.

Но усидеть на месте было невозможно. Семён расхаживал по коридору, засунув руки глубоко в карманы джинсов. Виктория безучастно сидела на кресле, чуть покачиваясь. Взгляд обоих родителей то и дело обращался к часам.

– У вас девочка пропала? – вопрос застал врасплох.

Подошедший к ним дознаватель с капитанскими погонами выглядел уставшим. Уголки губ опущены вниз, под глазами тёмные тени, увеличенные капилляры покрасневших глаз.

– Пройдёмте.

– Девочка раньше из дома сбегала? – спросил Давид Ашотович, заполнив анкетные данные пропавшей и её родителей.

– Катя не сбежала, она ушла гулять и не вернулась! – Вика обеими руками сжимала телефон.

– Хорошо, давайте по-другому. Раньше Катя задержива-

лась на прогулке?

– Нет. Она очень послушная девочка. Она всегда на связи, всегда приходит вовремя.

– Звонить ей пробовали?

– Вы издеваетесь? – Семён ненароком повысил голос.

Капитан не обратил на крик внимания:

– Иногда родители забывают элементарные вещи. Значит, на телефон не отвечает. Гудок проходит?

– Да.

– Набирайте ещё.

Виктория сделала вызов и подключила динамик на громкую связь. Длинные гудки.

– Ясно, – полицейский сделал пометку. – Друзья, подруги, родственники?

– Мы всех обзвонили. Катю видели на детской площадке, недалеко от нашего дома. Я туда ездил. Там её нет.

– Конфликты были?

– Что? – не поняла Вика.

– Девочку за что-нибудь ругали? Наказывали?

– Нет. У нас нормальная семья.

Давид Ашотович вздохнул. Он посмотрелся на «нормальные» семьи, где за закрытыми дверями происходили самые страшные вещи. Но сидящие перед ним родители не вызывали ощущения виноватости. Они вполне искренне переживали о судьбе ребёнка.

– У девочки были проблемы в школе? С кем-то ссори-

лась? Может быть, дралась?

– Нет, – помотала головой Виктория. – У Кати много друзей. Она неконфликтная.

– Вы думаете, с ней могли что-то сделать одноклассники? Ей одиннадцать. Что могу сделать пятиклашки? – возмутился Семён.

– Дети жестоки, – констатировал Давид Ашотович. – Во сколько вы видели дочь в последний раз?

Супруги переглянулись. «В последний раз» – слишком страшные слова.

– Около двух, – торопливо ответила Вика. – Она пошла гулять и должна была в пять вернуться домой.

– Так что же вы не пришли в пять? Вы понимаете, что время может быть упущено?

– Вы нас в чём-то обвиняете? Да мы вас в коридоре почти час прождали!

– Гражданин Смирнов, умерьте пыл, – спокойно сказал капитан. – Я вас прекрасно понимаю, у меня самого двое детей.

– Найдите Катю! – взмолилась Виктория. – Пожалуйста, найдите мою Катю!

– У вас есть её последняя фотография? В чём ребёнок был одет, когда уходила из дома?

Семён сжал руки в кулаки и зажал их между коленей. Ему не терпелось покончить с формальностями и снова отправиться на улицу, чтобы продолжить поиски. Вика момен-

тально нашла фотографию дочери и переслала её дознавателю.

– Красная курточка с аппликацией, котёнок такой в шапочке, – поясняла Вика. – Шапочка с помпоном зелёная с синей полоской. Варезки такие же. Чёрные штаны-лыжники. Ботиночки красные с белой молнией.

– Всё? Какие-то вещи с собой были?

– Да! Шарфик! Как шапочка. Это комплект.

Они выходили из кабинета Давида Ашотовича почти в одиннадцать. Совершенно измотанные и взвинченные. Машина поиска раскручивалась еле-еле.

– Вы волонтерам звонили? – спросил капитан у дверей.

– Кому?

Полицейский протянул Семёну визитку:

– У них круглосуточно операторы работают. С ними созвонитесь, они, если честно, гораздо быстрее нас срабатывают.

– Спасибо! – Виктория тут же принялась набирать номер горячей линии.

Вызов приняла оператор Тамара, чья очередь выпала на ночное дежурство. Сообщение о пропаже ребёнка всегда волнительно и резонансно. Обычно на такие вызовы собирается самая большая волонтерская группа.

– Внимание! – написала Тамара в чат поискового отряда. –

Пропала девочка Катя Смирнова, одиннадцать лет, вышла из дома в два часа дня. Сбор штаба по адресу ребёнка. Кто свободен?

Сообщение отправлено в четверть двенадцатого. За окном глубокая холодная ночь. Снег перестал сыпать сверху, но ветер поднимал его с земли и закручивал в вихри. Температура упала до минус двадцати. Находиться на улице дольше десяти минут было некомфортно.

- Принято, выезжаю.
- Будем с Владосом и Жекой.
- Кинь фотки и приметы, сделаю листовки!
- Ребят, привезу кофе.
- Я на работе, подскочу через два часа.
- Принято.
- Буду.
- Выехал.
- Тома, что с родителями? Нужна там помощь? Есть ещё детки?

Несколько десятков людей, принявших сообщение, спешно покидали свои дома. Продираясь сквозь непогоду по дорогам, которые коммунальщики ещё не начали чистить, машины равнодушных стали стекаться к дому Смирновых, занимая небольшую парковку.

Григорий Дашичев, командир поискового отряда «Мухтар», в обычное время довольно успешный бизнесмен, прикатил на переоборудованной под штаб «Газели». Выйдя

из машины, мужчина застегнул ярко-красную куртку с логотипом отряда и поспешил к стоящим кучкой людям.

– Координатор кто сегодня? – спросил Григорий.

– Лялька, – один из мужчин указал на машину.

На заднем сидении устроилась хрупкая девушка, уверенно работающая с планшетом.

– Отлично. С Лялькой двухсотых не находили, – в приметы в отряде свято верили.

Дашичев стукнул в стекло машины:

– Оль, пойдём в штаб.

Лялька, продолжая набирать в планшете текст, вышла из машины, предоставив мужчине забрать карту местности и пару сумок с оборудованием. В ухе у неё, скрытый волосами и толстой шапкой был наушник.

– Я поняла, – говорила на ходу Лялька, – подъезжайте. Штаб на месте. Чем больше людей, тем лучше.

– Задачи уже раздала? – спросил Григорий.

Девушка, закончившая телефонный разговор, стащила шапку и поставила планшет на небольшой столик внутри штаба.

– Да. Пять групп уже работают. Сейчас Светик привезёт ориентировки и пойдут с расклейкой остальные.

– В сеть дали информацию?

– Да, Тома уже отработала. Идёт отклик.

– Хорошо. Давай мне задачу, и я погнал.

– Смотри, – Лялька провела карандашом по карте, – вот

эту улицу ещё не отработали. Там есть кафешки, магазин. Есть детская площадка. Надо пройти до конца и налево будет каток круглосуточный.

– Принято.

– Возьми с собой вон того парня с девушкой, – Лялька через стекло показала на молодых людей. – Они первый раз пришли.

– На связи.

– Фотку девочки скинула в общий чат.

Григорий вышел из «Газели». Шквал ветра ударил в лицо, заставив на миг задохнуться. Где-то в этой непогоде потерялась маленькая девочка. Дашичев, к сожалению, очень хорошо представлял, что чувствуют сейчас её родители. Два года назад его собственный сын потерялся в лесу и только чудом его удалось найти, благодаря такому же отряду. Но тогда было лето.

Передёрнув плечами, Григорий подошёл к новеньким. Профессиональным взглядом окинул их одежду – не слишком тёплая. Девушка так вообще в короткой искусственной шубке, тоненьких брючках и сапожках на каблучке. Но не отказываться же из-за этого от помощи?

– Мы с вами пойдём? – спросила девушка.

– Да. Зовите меня Григ, это позывной, – представился Дашичев.

– А это Костик, а я Марго.

– Идёмте, – кивнул Григорий, закрываясь от ветра. –

Смотрим по сторонам, входим в переулки. Если видим незапертые подъезды туда тоже входим. Находите варежку, шарфик, шапочку, не трогаете, а показываете мне.

Парень кивнул, а девушка полезла в сумочку и вынула телефон. Отвернувшись так, чтобы на заднем фоне оказались Григорий и Костик, Марго вытянула руку и сделала селфи.

– Это зачем? – спросил Дашичев.

– Сейчас в сториз выложу и в ленту. У меня много подписчиков, пусть тоже поищут. – не отрываясь от гаджета, ответила Марго.

– Отлично! – кивнул Григория. – Фото Кати у вас есть? Сейчас скину ориентировку. Можете у себя тоже разместить. Чем больше охват, тем быстрее мы найдём девочку.

Марго улыбнулась. Дыша на мёрзнущие пальцы, она быстро набирала текст, несмотря на длинные ногти, покрашенные в разные цвета.

– Ляль, я приехала, – Света приоткрыла дверцу в штаб, запуская внутрь клубы холода. – Пока полторашку отпечата-ла. Краска в принтере кончилась.

– Нормально! – оживилась Оля. – Думаю, район заклеим.

Распределив сто пятьдесят листовок между тремя двойками групп, Лялька направила их на задачу. К утру, когда люди пойдут на работу, на столбах уже будут висеть объявления.

– «Муха-один», что у вас? – спросила координатор по ра-

ции.

– «Муха-один», обходим площадку, – отозвался Бес.

Бессонов Паша пошёл с отцом девочки, как самый опытный поисковик. Они вернулись к месту, где Катю видели днём. С того момента, как Семён сам искал на площадке дочь, следов вообще не осталось.

– Холодно. Надо искать, где теплее, – сказал Бес.

– Но Катю видели здесь, – Семён схватился за голову, мысли о дочери ни на минуту не покидали.

– Здесь её точно нет. Она могла чего-то или кого-то напугаться и убежать. А потом замёрзла и должна найти место, где тепло. Подъезд, магазин, будка какая-нибудь.

– Почему домой не пошла? С ней что-то случилось, – Семён оглядывался по сторонам.

– В стрессовых ситуациях дети ведут себя не как взрослые, – разъяснял Бес. – И многие взрослые не ведут себя логично. Давайте по ближайшим домам пройдем.

– Катя! – во весь голос закричал Семён, прежде, чему пойти вслед за поисковиком.

– Так, вот сюда клеим, это как раз по ходу движения, – Артём приложил лист с ориентировкой к фонарному столбу.

– Есть, – отозвался Орлик с характерным треском размазывая липкую ленту.

Ветер выдирает листовку из рук. Парни привычными движениями закрепили её на столбе и отправились дальше,

к остановке автобуса.

На белом листе крупная фотография улыбающейся девочки. «Внимание! Пропал ребёнок! Катя Смирнова, одиннадцать лет. Рост примерно сто тридцать сантиметров. Вес около тридцати – тридцати двух килограмм. Одета в красную курточку с аппликацией, сине-зелёную шапочку, варежки и шарф. На ногах красные сапожки и чёрные лыжные брюки. Если вы видели ребёнка позвоните по телефонам».

На ориентировку, приклеенную скотчем, ветер швырнул пригоршню снега.

– Катя! – громко по слогам крикнул Григорий, приложив ладони рупором ко рту.

Они дошли до катка, изрядно замёрзнув. Из-за непогоды каток не работал. Ворота заперты, в пункте проката коньков не горит свет. Ближайшие ларёчки, торгующие горячим чаем, кофе и разной выпечкой, не подавали признаков жизни.

Дашичев подошёл к воротам, подёргал дверцу. Навалился всем корпусом.

– Что вы делаете? – с интересом спросила Марго.

– Пробую пробраться, – пояснил Григорий. – Катя могла захотеть покататься и попробовать проникнуть на каток. Надо проверять.

Мужчина оглядел довольно высокий забор и не нашёл места, где ребёнок смог бы его перелезть. Костик нерешительно топтался рядом. Молодой человек совершенно продрог,

постоянно переминался с ноги на ногу и потирал руки в тонких перчатках.

– Надо вокруг идти.

– Чё там делать? – клацнул челюстью Костик.

– Ребёнок мог пойти вдоль забора, чтобы поискать щелку.

Ты не представляешь, на что способны дети, когда чего-нибудь захотят.

– Так если она пошла вокруг, то сюда бы точно вышла, – сказала Марго, делая очередную фотографию.

– А могла подвернуть ногу и лежать на той стороне забора, – жёстко ответил Григорий, уже пожалевший, что взял новичков с собой.

С обратной стороны катка раскинулся небольшой сквер, переходящий во дворы жилых домов. Огромное пространство с редкими фонарями.

– Привет, мои дорогие! Сейчас уже половина второго ночи, а я всё ещё на поиске, – взволнованным голосом говорила Марго, глядя в телефон. – Мы продолжаем искать маленькую девочку Катю Смирнову. Здесь очень холодно, но мы не сдаёмся. Буду держать вас в курсе событий. Если кто-то хочет помочь, вы знаете, что надо делать! Пока, мои хорошие!

Помахав в камеру рукой, девушка отключила телефон.

– Это был прямой эфир, – пояснила она Григорию. – Меня только что посмотрело больше тысячи человек.

– А фото Кати ты выставляла?

– Естественно. Там уже два кэ лайков, репостов и коммен-

тов.

– Что?

– Ну, две тысячи человек отреагировали. Это нормальный отклик.

– Понятно. Идём. Сейчас каток обходим, я вызову ребят, они вас сменят.

– Не, не, – запротестовала Марго. – Я в деле!

Костик молча переминался с ноги на ногу. Только сейчас Дашичев заметил, что у парня подвёрнуты штанины, из-под которых выглядывает полоска покрасневшей голой кожи. «Твою мать! Сейчас ещё и этот обморозится», – зло подумал Григорий и полез в карман за телефоном.

Ветер штурмовал окна, подвывал в вентиляции. Что-то металлическое гроыхало на незастеклённом балконе соседей. Уже час температура держалась на минус двадцати трёх. Аномальный холод выстуживал улицы, оседал на капотах машин колючим инеем.

В каждой комнате, в прихожей и на кухне горел свет. Как будто иллюминация могла помочь Кате вернуться. Виктория сидела на кровати дочери, крепко прижимая к себе большого пушистого медведя.

Два ночи. Электронные часы в серебристом корпусе не тикали, но неумолимо отсчитывали время. Вика знала, что когда-нибудь её дочь будет гулять ночи напролёт, пропадая с друзьями, встречая рассветы с любимым мальчиком. Что

материнское сердце каждый раз будет волноваться. Что они с Семёном будут притворяться спящими или делить тревогу за подростковую, ставшую самостоятельной Катю. И когда-нибудь Катя совсем уйдёт от них, заживёт своей жизнью.

Но это случится позже. Пока Катя – маленькая девочка, которая должна спать в своей кровати, обнимая большого мягкого медведя. В тепле, в свете ночника, разметав по подушке светлые волосы.

Покрасневшие от слёз глаза посмотрели в незашторенное окно. Где-то там Семён и ребята-волонтёры обходят дома и улицы, ищут Катю. А она вынуждена сидеть в квартире. Беспомощность отбирала силы, выматывала душу. Нужно было что-то делать.

– Я по поводу заявления, – голос осип, Вика сама с трудом его узнавала. – Катя Смирнова. Вы её ищите?

Женщина позвонила в полицию.

– Патрули получили все данные, – ответил дежурный.

– И они её ищут?

– Ищут.

Что она хотела услышать от дежурного? Что Катю нашли, но почему-то до сих пор ей не сообщили? Вика отложила телефон, погладила подушку дочери. Слёзы покатались по щекам.

– Надо возвращаться, – сказал Бес.

– Но...

– Надо возвращаться, – повторил поисковик. – Мы уже далеко отошли от площадки. Если она двигалась пешком, то не могла уйти так далеко в такую погоду. Мы идём не в ту сторону.

– А если Катя в том дворе? – Семён кивнул на другую сторону улицы.

– Мы должны вернуться и взять машину.

– Катя замёрзнет, пока мы будем туда-сюда ходить! Надо идти дальше, – Семён попытался сделать шаг, но Бес его удержал.

– Ты чем дочери поможешь, если сам обморозишься? Мне придётся всё бросить и вызывать «скорую» тебе. Это минус время и минус возможность для Кати. Ты понял? – он встряхнул взволнованного Семёна так, что у того клацнули зубы. – Понял?

Смирнов неуверенно кивнул и крикнул во всю глотку, срывая голос:

– Ка-тя!

Глава 2

Вода была слишком горячей. Галя посмотрела на свои покрасневшие руки. Она держала разделочный нож и губку, розовая пена заполняла раковину и утекала в слив. Продолжая смывать кровь с лезвия, Галина пыталась вспомнить, что она готовила. Память играла злые шутки.

Последнее, что Галя помнила точно, – это перекошенное от злости лицо мужа. Искажённые черты давно нелюбимого человека, который не вызывал ничего кроме панического страха и жалкой, постыдной зависимости.

Нет, Тенгиз не всегда был таким, как сейчас. Когда они только-только познакомились в случайной большой компании, он красиво ухаживал. Дарил огромные букеты и галантно открывал дверцу машины. Галя чувствовала себя принцессой. Она светилась от счастья, а все подружки ей завидовали.

Да, Тенгиз чуть старше. Да, он мужчина с восточной кровью и другими традициями. Но в его огромных карих глазах, в которых на свету появлялись золотые искорки, Галина видела только обожание. «Я буду самой верной, самой хорошей женой» – думала девушка, принимая предложение. И они поженились через полтора месяца после знакомства.

А вот свадебное путешествие было омрачено первой ссорой. Галя в белом, довольно скромном купальнике вышла

на пляж, принадлежащий отелю. Пышные формы тут же заметили и оценили красноречивыми взглядами мужчины. Тенгиз оценил эти взгляды. Он крепко взял молодую супругу за руку, чуть выше локтя и поволок в номер. Не говоря ни слова, мужчина, продолжая её удерживать, ударил по лицу:

– Шлюха!

На скуле и предплечье появились первые синяки. Тенгиз, конечно, извинялся, умолял его простить, стоял на коленях. Клялся в любви и плакал, положив голову ей на колени. Галя простила.

Даже сейчас на её руках были ссадины. Женщина аккуратно вытерла нож сухой тряпкой, вставила его в подставку. Розоватая пена втянулась в слив. Галя сосредоточенно вымыла раковину и насухо её вытерла. Нельзя чтобы оставались разводы или следы от высохших капель. Она выжала губку, развернула дозатор флакона моющего средства в правильную сторону. Машинально поправила полотенце, смахнула с крана повисшую капельку. Тенгиз будет доволен.

Из детской донеслось хныканье Софии. Сердце Галины сжалось – Тенгиз хмурится, когда дочь начинает плакать. Женщина развернулась от мойки и пришла в ужас. На полу кухни всюду валялись обломки разделочной доски. Самый крупный кусок, та часть, где вырез ручки, лежит пол обеденным столом. И на всех щепках кровь!

Упав на колени, Галя спешно начала собирать щепки, загоняя занозы. Если Тенгиз это увидит, ей будет плохо! Как

такое вообще могло произойти? Почему в голове нет никаких воспоминаний?

София продолжала хныкать. Ещё более требовательно. Материнское сердце рвалось к ребёнку. Сейчас Тенгизу надоест слушать плачь, и он что-нибудь сделает с крошкой. Его нелюбовь к дочери началась задолго до её рождения, сразу после первого УЗИ, когда врач объявила пол.

– На аборт пойдёшь, – сказал Тенгиз.

Галя не знала, что на это ответить. Она очень хотела этого малыша. Желанный первенец. Её дитя. Слезы покатались из глаз, а руки прикрыли уже довольно заметный живот.

– Вы с ума сошли? – спросила врач Тенгиза, когда он привёл жену в больницу. – Какой аборт, папаша? На таком сроке вам никто ничего не сделает. Тем более беременность идеальная, плод развивается нормально.

– Сейчас, Софинька, – шептала Галя, продолжая собирать щепки разделочной доски.

Они были измазаны кровью. Капли крови, пятнышки, размазанные следы уводили в коридор. Галя на коленях поползла туда, прижимая к себе собранное.

Тенгиз лежал в коридоре, раскинув руки. Он не двигался. Вокруг его тела натекла густая багровая лужа, остро пахнущая, подёрнутая плёнкой.

Галя вскрикнула, выронила куски доски, закрывая рот ладонями. Она чуть приблизилась к мужу, заглянула ему в лицо. Глаза открыты, на правой скуле огромный синяк. Шея,

грудь, живот мужчины в крови. Костяшки пальцев сбиты. Женщина тронула его за ступню и тут же отдёргнула руку.

Тенгиз был мёртв.

В комнате надрывалась плачем маленькая София. Перебив себя, прижимаясь к стене коридора, Галина пробралась к дочери. Кудрявая малышка стояла в своей кроватке, цепляясь ручками за высокий бортик. Зарёванное личико.

– Мама здесь, – Галя подхватила дочку на руки, прижала к себе. – Мама здесь.

Тельце ребёнка вздрагивало от прекращающегося плача. Тело женщины дрожало от увиденного в коридоре. Галя прижимала к себе дочь, поглаживала её по спинке. Девочка успокаивалась. Галя взяла телефон и набрала короткий номер:

– Приезжайте, пожалуйста. Я, кажется, убила мужа.

Анна не любила опаздывать. А приезжать на вызов позже оперативников не любила ещё больше. Но на этот раз от неё ничего не зависело – служебная машина долго отказывалась заводиться из-за мороза. Разыгравшаяся метель свела видимость к трём-четырёх метрам и машины едва тащились по дороге. Ветер гнал мелкий нелипкий снег по асфальту, залеплял ветровое стекло. Штатный водитель дядя Лёня тихо матерился, включая дворники.

– О! Следственный комитет пожаловал! Анна Валерьевна, что-то вы не торопитесь, – зубоскалил майор Дмитриев.

– Александр Борисович, зато вы как обычно впереди паровоза, – следователь Скочилова прошла мимо оперативника.

Майор наигранно поднял руки, пропуская женщину в комнату. Его взгляд скользнул по её форменной юбке, подчёркивающей широкие бёдра.

– Слышь, ты ширинку-то придержи, – по-дружески хлопнул майора по плечу участковый, первый прибывший на место преступления.

– Да больно надо, – отмахнулся Дмитриев. – Она ж стерва.

– Но фигура-то ого-го.

– Это да. Вот если бы ей намордник, то я бы, может быть, и вставил.

– Пару разков, – поддержал участковый.

– Повезло вам, что Аня не слышит, – сказал эксперт, снимая перчатки. – Она вам такое не простит.

– Константин Сергеевич, ну вы-то ей не скажите? – подмигнул Дмитриев.

Эксперт сунул грязные перчатки в специальный пакет и бережно положил пакет в чемоданчик. Его работа здесь пока была закончена.

– Что по телу? – серьёзным уже тоном спросил Дмитриев.

– Всё очевидно, на первый взгляд. Множественные проникающие колото-резанные ранения в область шеи, груди и живота, – перечислял Константин Сергеевич. – Тупые ранения верхних конечностей. Осаднения кистей рук, правой

скулы. Возможно, перелом челюсти. Смерть наступила часа полтора назад.

– Но это жена его так отделала?

– Саша, – мягко сказал эксперт, – моё дело трупы смотреть, экспертизы проводить, лабораторные исследования. А выводы о том, кто кого убил, это не ко мне. Это ты уж сам как-нибудь.

– Ну, попытка не пытка, – улыбнулся Дмитриев. – А чем убили?

– Вероятно доской разделочной и ножом. Обломки доски мои ребята упаковывают. Ножи мы изъяли.

– Вот поэтому я и не женюсь никогда. Зайдёшь на кухню водички попить, а тебе доской по темечку прилетит, – улыбнулся майор.

– Я свою мегеру тоже побаиваюсь иногда, – признался участковый. – Руку, конечно, не поднимает. Но «запилить» может, мама не горюй!

– Аня Валерьевна, тело смотреть будешь? – эксперт заглянул в комнату, куда ушла следователь.

– Иду, – Сkochилова как раз закончила беглый осмотр квартиры.

– Я ребятам предварительно уже всё рассказал. Тебе отчёт пришлю после вскрытия. Но тут без вариантов, сама понимаешь, – развёл руками Константин Сергеевич.

– Проверьте кровь на алкоголь и вещества. А я чуть позже бумаги пришлю с запросом.

– Конечно.

– И волосы его то же.

– А что же вы, Анна Валерьевна, убийцу на вещества не проверите? – поинтересовался майор Дмитриев.

Скочилова посмотрела на оперативника:

– Даже не сомневайтесь, что я назначу все необходимые экспертизы, Александр Борисович. И, если понадобится, вам тоже. А сейчас я хотела бы, чтобы вы с вашими людьми прошли по соседям и собрали информацию об этой семье. Надеюсь, письменные распоряжения вам для этого не нужны?

Анна выждала несколько мгновений, развернулась и ушла в комнату, где под наблюдением одного из оперативников сидела на диване Галя.

– Вот ведь... – сквозь сжатые зубы прошипел майор.

София пускала слюни, сидя на коленях матери. Засунув указательный пальчик в рот почти целиком, малышка гулила, с любопытством рассматривая чужих взрослых людей, наполнивших дом. Галина машинально вытирала ребёнку слюни носовым платочком.

– Как вы себя чувствуете? – спросила Анна, усаживаясь в кресло напротив дивана.

– Не знаю, – Галина пожалала плечами. – Нормальное, наверное.

Внешне женщина выглядела удивительно спокойно, но Скочилова понимала, что это просто шок. И скоро он

пройдёт, уступив место либо истерике, либо агрессии, либо раскаянию.

– Это ведь я его? – спросила Галя, впервые посмотрев следователю прямо в глаза.

– Вы не помните?

– Нет. Мы ругались, – от воспоминаний она как-то сжалась, втянула голову в плечи, чуть сильнее прижав к себе ребёнка. – А потом я уже мыла нож...

– Вы часто с мужем ругались? Или это первая ссора?

Галина опустила глаза в пол. Домашняя футболка с короткими рукавами давала ответ – руки женщины «украшали» синяки. Свежие – тёмно-фиолетовые, характерные отпечатки мужской пятерни. Давнишние – бледно-жёлтые. Когда Галя поворачивала голову в сторону коридора, где санитары упаковывали мёртвое тело в чёрный пластиковый мешок, становилась видна проплешина в волосах.

– Он вас бил. Систематически и сильно, – сказала Анна. – Почему именно сейчас вы решили за себя постоять?

– Анна Валерьевна, можно вас на минуточку? – позвал её из коридора майор Дмитриев.

– У вас есть с кем оставить ребёнка? – кивнув майору, спросила следователь.

– Маме. Мама, наверное, её возьмёт. Я... вы же меня арестуете? Я ведь убила, – Галина всхлипнула.

София, тонко почувствовав состояние матери, скулсилась и начала плакать.

– Анна Валерьевна! – снова позвал Дмитриев.

– Звоните, – посоветовала Скочилова, поднимаясь с кресла.

Анна передала женщине стационарный телефон. Галина на автомате отшатнулась от аппарата, оказавшегося рядом с её лицом. Но быстро взяла себя в руки и принялась набирать номер.

– Что случилось? Нашли свидетелей? – следователь смотрела на полицейского снизу вверх.

– Вы в своём уме? Вы зачем ей версию подсовываете? – злым шёпотом спросил Дмитриев, проигнорировав вопросы Анны. – Она убила. Точка. Возбуждайтесь по «убийству», ставьте себе «галку» в отчёт – и отписывайтесь.

Анна внимательно выслушала майора, глядя прямо в его недовольное лицо. Если бы не хмуро сдвинутые густые брови, неровно сбритая щетина, и немного косящий правый глаз, майора Дмитриева можно было бы назвать симпатичным. Даже тонкий шрам, тянувшийся по подбородку вверх до нижней губы, его не портил. «А ещё он мог бы молчать», – подумала следователь.

– Значит так, Александр Борисович, – спокойно, насколько это возможно, произнесла Анна, – указывать мне по какой статье «возбуждаться» не ваше дело. В рамках следственно-розыскного процесса вы у меня в подчинении и выполняете то, что я вам говорю. Надеюсь, вы это понимаете. А если нет, то вашему начальству стоит отправить вас на какие-ни-

будь курсы.

Дмитриев скрежетнул зубами. Эта следачка – просто су-ка! Вечно разговаривает через губу, как будто опера – тупые чурбаны; собаки, которые понимают только команды. Что она вообще о себе думает?

– Да тут же всё понятно! Что резину тянуть? – продолжал возмущаться майор. – Она его забила доской и ножом. Всё. Вину не отрицает.

– И мотив, конечно, «внезапно возникшие неприязненные отношения»? – сыронизировала Скочилова. – Он её лупил, на ней живого места нет. Я буду настаивать на судебно-медицинской экспертизе. Думаю, найдём сросшиеся переломы.

– Господи! Ну стукнул муж жену разок, а она ему ножом по шее! Это неадекватный ответ.

– Вы его видели? – Анна указала на дверь, куда только что вышли санитары, едва тащившие мешок с трупом. – В нём, наверное, центнер веса. А в ней от силы шестьдесят.

– Могла бы сбежать. Ноги же он ей не связывал?

– Понятия не имею, но обязательно выясню, – пообещала Анна. – А теперь, идите и займитесь поквартирным обходом. Ссоры, скандалы, отношения в семье, поддерживали общение с соседями, кто приходил, когда, водили ли компании. Работайте. Надеюсь, с этим проблем не возникнет?

Майор набычился. Эта пигалица его учила работать. Да пока она отсиживала задницу в своей академии, он уже за-

крывал клиентов пачками!

Анна, не дожидаясь ответа, развернулась и ушла к Галине.
– Вот же сучка! – прошипел Дмитриев, выходя из квартиры.

В свой кабинет Анна вернулась через три часа. Сначала пришлось дожидаться мать Галины. Маленькая сухонькая женщина первым делом кинулась к дочери. Она трогала Галю, поглаживала, осматривала.

– Что он с тобой сделал? Что он с тобой сделал, детонька? – причитала женщина. – Почему ты не ушла? Я ведь всегда тебя ждала.

Потом были слёзы. София никак не хотела идти на руки к бабушке, которую практически не видела. Малышка плакала, плакала Галина и её мать. Анна бегло проверила, чтобы в квартире всё оказалось выключенным.

– Пройдёмте, – грубо сказал Дмитриев, подталкивая Галину к оперативникам.

Большой шумной толпой они спускались по подъезду. Скочилова точно знала, что сейчас за процессией наблюдают через глазки соседи. «Интересно, где они были, когда он её бил»? – подумала следовательно.

– Извините, – мать Галины тронула Анну за рукав.

– Да, – остановилась следовательно.

– На сколько Галю посадят?

– Не хочу вас обнадёживать, – осторожно сказала Анна. –

Я буду настаивать на самообороне. Но будьте готовы к тому, что всё может пойти по плохому сценарию и Галине светит реальный срок. Это до восьми лет тюрьмы.

Женщина всхлипнула, прижала к себе только затихшую внучку. Анна проследила, чтобы их усадили в подъехавшее такси. Галина смотрела на родных через окно полицейского УАЗа, прижавшись к грязному стеклу лицом.

– Ну и зачем? – спросил майор Дмитриев.

– Что «зачем»? – не поняла Анна.

– Зачем вы сказали бабке, что её дочь возможно не посадят? Это ж неправда. Восьмёрку она точно себе подцепила.

– Не точно, – парировала Анна. – Ещё не было экспертизы.

– Это всё слова. Она прикончила мужа и должна сидеть.

– Он её систематически бил. Она просто защищалась. Мы, Александр Борисович, это уже обсуждали.

– Да вы тупо оправдываете убийство, Анна Валерьевна, – сквозь зубы прошипел майор. – Чё, мало случаев было, когда жена мужа убила, а потом начинала ныть, что он её избивал? Если так херово ей жилось, то могла бы вещички собрать и свалить.

– А вы, я смотрю, большой знаток семейных отношений? Или, наверное, защитили кандидатскую по абьюзивному поведению?

– Вот только не надо всеми этими модными словечками прикрывать вашу бабскую солидарность, – скривился майор.

– Знаете, о чём я сожалею? – Анна взглядом смерила оперативника с головы до ног.

– Ну? – не хотя спросил Дмитриев.

– О том, что нам ещё придётся сталкивать по работе. Это, действительно, печально.

Снег залеплял глаза, но Скочилова всё равно увидела, как перекосилось лицо майора. Ледяной ветер пробирался под форменную куртку, но даже он не был таким холодным, как взгляд Дмитриева. Не собираясь разговаривать дальше, Анна подошла к водителю УАЗа и сказала, чтобы он ехал за ней.

Потом Галю осматривали врачи, делали анализы, собирали анамнез. Затем с подозреваемой работал психиатр. Рутинна, за которой стоят человеческие жизни.

Галину, находящуюся в странном опустошённом состоянии, поместили в камеру предварительного содержания. А Скочилова сидела в своём кабинете и усердно заполняла бумаги. Иногда Анна отрывалась от экрана компьютера и смотрела в окно. Там разыгралась настоящая непогода. Часы показывали, что официальный рабочий день закончился полтора часа назад. И ей следовало уже быть дома. Проверять уроки у Леры, греть вчерашний суп и спрашивать мужа о его работе.

Анна вздохнула и ещё быстрее застучала по клавиатуре. Может быть, она успеет хотя бы пожелать дочке спокойных снов.

Глава 3

– А Катя могла уйти с незнакомым человеком? – спросила Анна.

– Нет, нет. Я ей столько раз говорила, что нельзя этого делать. Она не могла ни с кем уйти сама! – Вика была на грани истерики.

Наступило утро следующего дня, а женщина ещё даже не ложилась. Никак не могла заставить себя ни отдохнуть, ни что-нибудь съесть. Она ставила чайник на плиту, включала конфорку, дожидалась, пока вода начнёт кипеть, и выключала. От одной мысли о еде, Вику тошнило.

Её дочь не ночевала дома! Катя была где-то за пределами квартиры, вне их маленького уютного мира, который оказался способен рухнуть в один момент. Семён пришёл домой в четыре утра. Его сопровождал высокий широкоплечий мужчина, представившийся Павлом.

– Вам нужно отдохнуть, – сказал Бес. – мы делаем всё, что нужно. Ребята сейчас сменятся и мы расширим круг поисков.

Семён рвался из дома. Он тоже ничего не ел, хотя Вика сделала бутерброды и пожарила яичницу. Лёгкая готовка на какое-то время сняла тревогу за дочь. А потом чувство вины за то, что позволила себе отвлечься на намазывание куска батона сыром, нахлынуло до дрожи в коленях. Виктория упа-

ла на табурет, закрыла глаза руками. Слезы больше не текли, остались только сухие судорожные рыдания, не приносящие облегчения.

Ветер стих, но температура понизилась ещё на пару градусов. На улице стало невероятно холодно. Головы прохожих были окутаны паром от дыхания. Воздух застывал в носу, примораживая тонкие волоски. Иней украшал ресницы, усы и бороды тех, кто так или иначе оказывался вне помещений.

И где-то там была Катя! Маленькая девочка, которая не вернулась домой с прогулки.

Когда в дверь коротко позвонили, Вика вздрогнула. Она попыталась подняться с табурета, но тут же обессилено села снова. Семён вскочил с кухонного дивана и в два шага оказался у входной двери. По пути мужчина ударился бедром об угол, но ни на секунду не остановился. Он широко распахнул двери, ожидая увидеть кого-нибудь из волонёрского отряда, приведшего Катю домой.

– Следователь Следственного комитета Анна Валерьевна Скочилова, мне поручено вести дело вашей дочери, – представилась миловидная женщина, стоящая на пороге. – Это майор Дмитриев, районный отдел. Мы можем войти?

Переваривая услышанное, Смирнов сделал шаг назад, пропуская пришедших.

– Вы будете искать Катю? – Виктория обнимала себя, пытаясь унять нервную дрожь.

– Где мы можем поговорить?

Анна внимательно следила за поведением родителей. Как бы жестоко это не звучало, но именно они первые подозреваемые. Близкие люди всегда были, есть и будут такими. Практика показывала, что в большинстве случаев так оно и оказывалось.

Получив это дело, Скочилова готовилась увидеть семью на грани развода, где родители, больше для того, чтобы насолить друг другу, чем из искренних чувств, делят ребёнка. Подобные псевдопохищения ей уже доводилось расследовать. И правда всплывала после первого допроса.

Но ни жена, ни муж Смирновы не были похожи на великих актёров, разыгрывающих переживания. Впрочем, Анна не торопилась делать выводы на основании первого впечатления.

– Идёмте сюда, – Вика кивнула на кухню.

– А мы с вами в комнату, – перехватил Семёна Дмитриев.

Нет, как следачка, Скочилова иногда бывала нормальной. И кое с чем Александр готов был безоговорочно согласиться.

– Давайте не будем терять время, – сказала Анна Валерьевна, встретившись с оперативником. – Я допрашиваю Смирнову, вы её мужа.

Дмитриев кивнул.

– Подробно, но без лишнего давления, – наставляла Анна, поднимаясь по лестнице. – Постарайтесь избегать вашего любимого обвинительного тона.

– Разберёмся, – пообещал майор, глядя на бёдра Скочи-

ловой, шедшей чуть впереди.

Его вообще не должно было быть на этом деле, но подлец Кузнецов этой ночью оказался в больнице с приступом аппендицита. И теперь вместо заслуженного выходного, Дмитриеву приходилось снова выслушивать эту выскочку. Кто вообще додумался пускать баб на такую работу?

Люди устали. Люди замёрзли и вымотались как физически, так и морально. За долгие часы поисков Кати Смирновой были проверены километры улиц и дворов. Листовками с объявлением о пропавшей девочке уже оклеили район и вокзалы. Недовольные слесари из аварийных бригад помогли с подвалами и чердаками.

Кати нигде не было. Григорий потёр лицо, чтобы хоть как-то взбодриться.

– Кофе будешь? – спросила Лялька.

– Давай. Тошнит уже от него, но давай.

Кофе принесла какая-то бабушка.

– Я-то сама искать не могу, – говорила пожилая женщина, передавая Ляльке объёмный пакет. – Внук показал, как в интернет заходить. Так я с подружками теперь так общаюсь. А тут смотрю объявление про Катю. Прямо в нашем районе. Подумала, надо ребятам горячего принести.

– Спасибо! – искренне поблагодарила Лялька. – Вы сами до дома доберётесь? Может, вас подвезти? Холодно.

– Не надо, не надо, деточка. Вы лучше ребёнка ищите.

А мне тут через два дома пройти.

Оля забыла даже спросить, как бабушку зовут. В шестом часу морозного утра мозг работать без допинга отказывался напрочь. В пакете оказался старенький термос с кипятком, чайные пакетики и несколько пачек печенья.

Дашичев, грея руки о кружку с крепким кофе, прикрыл глаза. Мысленно представил себе карту района – они расширили круг поиска уже почти в два раза.

– Григ, чё думаешь? – осторожно спросила Лялька.

– По-разному думаю, – не открывая глаз сказал Дашичев. – С одной стороны, раз мы до сих пор её не нашли, значит, она может находится у кого-то дома. Это тоже и хорошо, и плохо. Потому что не понятно, с какой целью кто-то держит у себя ребёнка. То ли в гости удрала, а родителей не предупредила. То ли её силой увели.

– Родственников-то проверяли?

– Полиция должна пройти. Нам ведь никто информацию не даст такую.

– А с другой стороны? – после недолгого молчания спросила Оля.

– А с другой стороны всё плохо, – вздохнул Григорий, открывая глаза. – Если мы не нашли Катю где-нибудь в подъезде или хоть в каком-то тёплом месте, значит она всю ночь пробыла на улице. Сейчас минус двадцать четыре показывает. Сама понимаешь, что может произойти с ребёнком в такую ночь.

Шансы на благополучный исход у тех, кто вынужден провести ночь на лютom холоде, практически равны нулю. А если есть ещё какие-то повреждения, то и вовсе минимальны. Только чудо может спасти человека, оказавшегося в таких условиях.

– «Муха-четыре» штабу, – ожила рация.

– Штаб на связи! – Лялька почувствовала, как поднялся адреналин в крови. – Что у вас? Нашли?

– У нас тут пьяный мужчина в сквере. Идти сам не может, в неадеквате немного, – прошипела рация. – Организуй «скорую», у него, походу, пальцы на ногах обморожены.

– Поняла тебя. Адрес кидай, – Лялька перевела рацию на приём.

Григорий наблюдал, как действует координатор. Без суеты приняв сообщение от «Мухи-четыре», Оля связалась со «скорой помощью» и чётко рассказала о произошедшем. Сигнал приняли, машину отправили. Ребята из отряда спасли чью-то, может быть, глупую жизнь, не дав замёрзнуть.

Ещё троих загулявших прохожих этой ночью развезли по домам экипажи, вышедшие искать Катю. «Муха-три» и «Муха-десять» помогли вытянуть несколько автомобилей, застрявших в быстро наметённых сугробах. «Муха-семь», в состав которой входил вышедший на пенсию полицейский с позывным Мент, шугнули толпу гопников, пристававших к двум девушкам, торопящимся домой.

Сделано много, но основная цель поиска – девочка Катя

Смирнова – неизвестно где. Дашичев вздохнул. Людей нужно отпускать. Девять часов утра, кому-то пора на работу, кому-то нужно отдохнуть. Всем нужно согреться и набраться сил.

– Сколько сейчас экипажей в патруле? – Дашичев отставил пустую кружку.

От выпитого кофе начинал болеть желудок. Но сон немного отступил. Хотя Григорий точно знал, что это ненадолго.

– Сейчас пять машин. Это ребята, которые с самого начала подключились, – сверившись со своими записями, ответила Лялька. – В группе отписались некоторые, что начнут подъезжать за задачами. Спасатели обещали привлечь кинологов.

– Собаки – это хорошо, – кивнул Дашичев. – Только вряд ли они после такого снегопада что-то найдут.

Лялька потянулась. Целая ночь в штабе давала о себе знать – мышцы затекли, в голове шумело от кофе и бесконечных переговоров, перед глазами цветными полосами пролегли трэки маршрутов, по которым ходили «Мухи».

– Иди домой. Тебе отоспаться надо, – сказал Григорий.

– Сейчас Линар приедет и сменит меня.

– Отлично. Я на пару минут глаза прикрою.

Дашичев поёрзал на кресле, закутался в куртку, склонил голову к подголовнику. Чернота сна буквально всосала в себя его сознание, выключив из реальности за секунды.

– Приветик! – радостный бодрый голос, казалось, запол-

нил весь салон «Газели».

Громко хлопнула дверца, успев пропустить внутрь морозный воздух. Дашичев усилием воли разлепил глаза.

– Привет, – сказала Лялька, пытаясь вспомнить, что это за девушка.

– Марго? – чуть хрипло произнёс Григорий. – Ты чего здесь? Я же вас с Костиком по домам отправил.

– Ну, Костик-то дома. А я переоделась и снова к вам!

На этот раз девушка действительно подготовилась. На ней был яркий лыжный комбинезон со светоотражающими вставками и тёплые ботинки на толстой подошве. Зимняя шапка с двойным отворотом идеально сочеталась с цветом её голубых глаз.

– Ты же блогер? – спросила Лялька.

– Блогерка, – поправила Марго.

– И в чём разница?

– Ну, блогер – это мужской род, а блогерка – женский.

– Звучит странно, если честно.

– Это феминитив, – Марго чуть надула губы. – Я за права женщин. Современность диктует такие условия. Мы должны заявить о себе миру. Мы не требуем равных прав, мы их просто берём.

– Понятно, – кивнула Оля, хотя все эти лозунги для неё ничего не значили.

– Григ, а можно я с тобой сториз запищу? Ну или прямой эфир? – переключилась на Дашичева Марго.

– В смысле? Интервью что ли? – Григорий провёл рукой по волосам.

– Ну типа того.

– Давай не сейчас? Вот найдём девочку, отоспимся и тогда пожалуйста.

– Но ведь это уже не будет нон-фикшн.

– Что?

– То, что происходит здесь и сейчас, – пояснила Марго. – Фолловерам интересна жизнь, как она есть. То, за чем можно следить нон-стоп. Интерактив. Саспенс. Вовлечённость аудитории в креатив. Понимаешь?

Григорий не понимал. Марго создавала слишком много суеты и шума. Но сейчас, в такой критической ситуации, любой человек, любая помощь была жизненно необходима. Прогнать её вместе с её фолловерами, значит создать нехороший прецедент. Плохую репутацию. А Дашичев считал, что плохую репутацию он себе создать ещё успеет.

– Так, сейчас новые ребята подъедут. Мы тебя к кому-нибудь в экипаж определим. Ты, конечно, можешь снимать, фотки делать. Но в рамках. Ага?

– Норм, – радостно кивнула Марго.

– А скажи, как тебя в сети найти? – Лялька вошла в свой аккаунт.

– Ну смотри, – Марго склонилась к координатору, уверенно тыкая пальчиком в экран смартфона.

– Виктория Олеговна, запишите контакты всех, кого можете вспомнить, – Анна пододвинула женщине чистые листы и ручку. – С кем Катя общалась. Ваших знакомых, которых Катя знала, с кем могла пойти.

– Вы думаете, кто-то мог забрать Катю? – женщина подняла на следователя заплаканные глаза.

– Это часть проверки, – уклонилась от правдивого ответа Скочилова.

В первую очередь – всегда – подозреваются родные. Потом те, кто был в окружении потерпевшего. Но пугать Смирнову сейчас – означало трату времени на пререкания и ненужные споры.

– Скажите, никто в последнее время не уделял Кате излишнего внимания? Подарочки передавал, спрашивал о её жизни?

– Нет, – пожала плечами Вика. – На работе мы с девочками, конечно, обсуждаем детей. Но ничего такого.

Красивым почерком Вика выводила имена и телефоны. Это занятие на какое-то время отвлекло её от тяжёлых мыслей.

– Давайте честно, жене изменяете? – спросил Дмитриев. Они с Семёном сидели в крохотной гостиной. Полицейский наблюдал за Смирновым, улавливая перемены в поведении. Если нужно будет, майор сможет его прижать.

– Причём здесь это? – Семён смотрел на свои руки, сцеп-

ленные в замок.

– Значит, было, – определил Дмитриев. – Зазноба твоя от тебя чего хотела? Чтобы семью оставил? К ней ушёл? Вопросы неудобные задавала?

– Я не понимаю.

– Что ты мнёшься, как бумажка в кармане? Будь мужиком!

– Это ничего не значит, – Семён старался говорить тише, исподволь поглядывая на коридорчик, что вёл в кухню.

– Она ничего не слышит, – Дмитриев уловил его взгляд. – С женой твоей сейчас наша следачка работает. Ей времени нет прислушиваться. Рот раскрывай и отвечай. Там твою дочь ищут.

Смирнов шумно вдохнул, сжал пальцы сильнее:

– Пару раз было.

– С одной?

– Да.

– Чё бабе наобещал, чтобы дала? Разведусь-женюсь?

– Нет, – Семён вскинул взгляд на оперативника. – Я Вику люблю. Это так было... несерьёзно. Интрижка. Чтобы освежить отношения.

– Ясно, пару раз перепихнулся на стороне. Давай дальше. Давно это было? Как расстались?

– Летом ещё. Нормально расстались. Я ей перестал звонить – и всё.

– Телефон потёр уже или про запас оставил?

Дмитриев усталился на Смирнова. Чувство вины за измену было написано на лице Семёна. Он сжимал губы, морщил лоб. Потом, решившись, вынул из кармана смартфон, нашёл контакт и протянул оперативнику.

– Знаете, – Вика протянула Скочиловой исписанный листок, – мне стыдно, но я молюсь, чтобы Катю сбила машина.

Анна подняла глаза на Викторию. Смирнова была в отчаянии, с этим не поспоришь. Но такие слова матери пропавшей девочки не могли не настораживать.

– Да, я понимаю, что это звучит чудовищно и нелепо. Но лучше пусть так. Пусть ДТП, пусть переломы, пусть долгое лечение и реабилитация. Но я не вынесу если... если Катя... если её найдут мёртвой...

Слова застревали в её горле, царапали. Виктория судорожно втягивала воздух, как будто в кухне было недостаточно кислорода. Щёки её моментально покрылись неровными красными пятнами, из воспалённых глаз снова потекли слёзы, хотя казалось, что их уже не осталось за прошедшую ночь.

Анна встала, взяла с открытой полки стакан и налила воды из чайника. Протянув воду Смирновой, следователь заставила её выпить. Руки Вики дрожали, край стакана ударялся о зубы. «Лучше если Катю найдут мёртвой, чем не найдут совсем» – подумала Скочилова, но не стала говорить об этом вслух.

– К сожалению, ДТП маловероятно, – сказала Анна. – Если бы Катю действительно сбила машина, не могло не остаться свидетелей. Мы всё-таки не в глухом селе живём и автотрафик у нас довольно большой. Даже несмотря на такую погоду. Кто-то что-то всё равно заметил бы. Опять же, все пункты «скорой помощи» и больницы были проверены в первую очередь.

– А морги? – Смирнова протянула руку и сжала ладонь Анны.

– Их тоже проверили. Поверьте, если бы девочка оказалась там, мы бы разговаривали по-другому. И не здесь.

– Скажите, Катю ведь найдут?

Анна промолчала. Как мать, она хотела успокоить сидящую напротив женщину. Утешить. Пообещать, что с её Катей не случится ничего плохого и совсем скоро она сможет обнять дочь. Но как следствие, Анна просто не имела на это право.

– Скажите, у вас самой или у вашего мужа в последнее время не случалось конфликтов? С кем-то на работе. Или с родственниками? Какие-нибудь судебные тяжбы, споры из-за наследства?

– Нет, – помотала головой Виктория. – Ничего такого. У нас обычная семья.

– Может быть, вы имеете доступ к каким-нибудь важным документам? Или ваш муж. Кто-то может попытаться надавить на вас через ребёнка?

– Сеня автослесарь. А я в бухгалтерии торгового центра работаю. Что с нас взять?

– «Бабки» у вас есть? – спросил Дмитриев, скидывая номер телефона бывшей любовницы Смирнова капитану Медведеву.

– Надо заплатить, чтобы вы искали Катю? – Семён оглядел гостиную. – Машину могу продать. Лимона полтора выйдет. Но это не быстро. Надо хотя бы день...

– Стоп! Хватит тараторить не по делу, – остановил его Александр. – Искать твою девчонку мы будем бесплатно, мы ж не звери. И лучше вообще такое больше не говори нигде. По-разному может получиться.

– Тогда я не понимаю, – развёл руками Смирнов.

– «Бабки» у вас есть в семье? Может кто-то в долг просил, а ты не дал? Или из друзей, приятелей, родственников есть кто-то, кто на игре сидит? Или в долгах постоянно? В кредитах? К кому-то коллекторы ходят? Думай, давай.

Пока Семён сосредоточенно соображал, морща лоб и загибая пальцы, Дмитриев осмотрелся. Обычная малогабаритная трёшка. Из гостиной две двери в спальни. Обстановка не старая, но и телевизору явно больше пяти лет. Обои можно было бы то же поменять. На стене в рамках семейные фотографии. Скромная мебель. Торшер из сетевого магазина. Небогато.

– Дядь Федя, – сказал Смирнов. – Он алкаш и у него по-

стоянно нет денег.

– Где живёт? – встрепенулся Дмитриев.

– С соседней области, в селе Самойлово.

– Мимо. Не приедет твой дядька, девчонку ради выкупа похищать.

– Ребят, а почему у вас такие позывные? Это потому что вы пара? – Марго шла следом за мужчинами из «Мухи-восемь».

Долговязый Чип от неожиданности резко остановился и блогер почти на него налетела. В парке кроме них работала ещё одна группа, проходящая маршрут с другой, дальней стороны.

– «Муха-восемь», работаю на отзыв, – сказал в рацию Дейл, пропустивший мимо ушей вопрос Марго.

Сложив ладони рупором у рта, Дейл как можно громче закричал:

– Катя!

Короткое эхо. Вспорхнувшие с веток перепуганные воробы. Затрещала сорока, улетая подальше от шумных людей.

– Так вы мутите или нет? – не отставала Марго.

– Помолчи, пожалуйста, – сказал Чип.

– Катя! – повернувшись на девяносто градусов, прокричал Дейл.

Снова тишина. Мужчина развернулся в противоположную сторону и повторил зов. Где-то далеко залаяла собака.

– Чип и Дейл, потому что спешим на помощь, – сказал Дейл, обходя Марго и напарника.

– Круто!

Блогер отстала от поисковиков, поправила шапку и включила телефон.

– Привет, мои хорошие! Я снова вышла на поиски пропавшей девочки. Ничего не могу с собой поделать, так хочется помочь найти малышку. Сегодня со мной два замечательных человека. Они помогают искать ребёнка. Их имена вам ни о чём не скажут. Сами себя эти парни называют Чип и Дейл. Правда крутые ники? Ставьте лайк, если вам тоже нравится.

Марго оглянулась на ушедших вперёд мужчин. Повернулась к смартфону и, многозначительно улыбаясь, сказала:

– Они, конечно, скрывают, ведь в нашей стране такое не приветствуется, но эти двое не только вместе работают в волонтёрском отряде. Их связывают более крепкие отношения. Если вы понимаете, о чём я хочу сказать. Пишите в комментариях, что вы думает по этому поводу. Мне действительно важно ваше мнение.

– Марго! Не отставай, – крикнул Чип, заметив, что девушка не идёт за ними.

– Иначе ты потеряешься и придётся искать и тебя тоже, – добавил Дейл.

Лялька дремала над своим смартфоном. Она пролистывала ленту публикаций Марго и никак не могла сообразить, что

ей в них так не нравится. Вроде всё хорошо – активная девушка, красивые картинки, текст, написанный без ошибок. Но что-то цеплялось за подсознание, вызывая то ли тревогу, то ли какую-то неприязнь.

– Я устала, – пожаловалась Лялька.

– Все устали, – отозвался Дашичев, полулежащий на сидении. – Что «Мухи»?

– Почти весь парк перекрыли, – взглянув на треки, высвечивающиеся на карте, ответила Лялька.

– Не нравится мне это. Непокойно.

– А я всё ещё надеюсь, что она у какой-нибудь подружки осталась ночевать. Родителям не сказала, чтобы не заругали. Или наоборот – убежала, потому что ругали.

– От полиции нет информации?

– Нет. Сказали только, что дело возбудили и к нам должен кто-то от них прийти с вопросами.

– Ну это понятно. У тебя кофе ещё есть?

– Холодный.

– То, что нужно, – криво усмехнулся Дашичев.

За дверцей штабной «Газели» тихо выругались, а потом постучали.

– О, Линар! – Лялька с трудом открыла примёрзшую дверцу.

– Привет, – худой парень в очках с большими диоптриями быстро вошёл внутрь. – Обожаю зиму!

С этими словами он снял очки, линзы которых в тепле

моментально запотели. Беззащитным взглядом Линар уставился на размытое пятно, в которое превратилась Лялька:

– Рассказывай.

– Чип, а почему вы называетесь «Мухтар»? Это в честь собаки-полицейского из старого сериала? – Марго пыталась снимать на ходу, поэтому картинка немного подрагивала. – Мой папа любит смотреть про такое. Пряма за уши не оторвёшь. Только поэтому у них дома ещё есть телевизор.

Чип, осматривающий пространство с правой стороны, оглянулся через плечо на девушку. От её трескотни начинала болеть голова. «Ну, Григ, ну я тебе припомню», – подумал Чип.

Парк был старым и деревья с момента посадки успели разрастись в приличный лес. Голые кроны переплетались высоко-высоко, почти образуя своды. Кустарник, летом делающий парк практически непрозрачным в некоторых местах, и сейчас создавал проблемы. Вчерашний снегопад укрыл всё вокруг ровным слоем, заметая следы, если они были.

– Это в честь другой собаки, – ответил Чип.

– Из совсем-совсем старого кино. Про милицию, – пояснил Дейл, осматривающий всё слева.

– Ого! Так их две? – удивлению Марго не было предела. Девушка уставилась в камеру своего гаджета: – Ребята, а во сколько лет вы об этом узнали? Напишите в комментариях. Я, например, в только что сейчас лет.

– Слушай, а тебе обязательно вот это всё делать? – спросил Чип. – Мы тут не телешоу какое-то, мы ребёнка ищем.

– Я понимаю, – не выключая камеры, сказала Марго. – Это невероятно важно. Но люди должны знать, что происходит.

– Ну ты хотя бы перерыв сделай, а то сядет твоя техника на таком холоде, – Дейл тоже был не в восторге от новенькой.

– Всё, мои хорошие, мне нужно отключить эфир и приступить к поискам с новыми силами. Но вы далеко не отходите. Я буду держать вас в курсе событий и рассказывать о ходе поисков. Вы знаете, что нужно делать: делитесь моими видео и публикациями в своих аккаунтах. Отмечайте меня в своих сториз. Пока-пока.

Анна не любила длинные ногти на руках – они мешали ей работать с компьютером. Вот сейчас цеплялись за клавиши, неприятно постукивали о пластмассу. Твёрдо пообещав себе отрезать их, когда придёт домой, Скочилова закрыла один документ и открыла следующий.

Допрос родителей-Смирновых дался нелегко. Потерявшая от расстройства и бессонной тревожной ночи голову Виктория мало что могла рассказать. Она несколько раз просила следователя сделать всё, чтобы Катя вернулась. А отец явно перемерз на поиске и у него немного поднялась температура. Хотя Дмитриев сказал, что работать есть с чем.

Майор раздражал своей грубостью и непрошенной прямолинейностью. Но работу делал довольно неплохо. А больше-

го от него Анна ничего и не желала.

– У меня Буклин проверяет контингент, – сказал Александр, когда они выходили из подъезда Смирновых. – И сидельцев, и подучётных.

– Ещё нужно проверить подростков, состоящих на учёте по малолетке.

– Да, школота сейчас вообще безбашенная пошла, – согласился майор. – Сейчас Буклину звякну, он отработает с участковым и инспектором.

– По бомжам что? – Сkochилова подняла воротник куртки.

– Участковый говорит, район довольно спокойный в этом плане. Но я его всё равно зарядил по подвалам пошерстить.

– Хорошо. Надеюсь, с девочкой ничего страшного не случилось.

Дмитриев скептически хмыкнул:

– Она не ночевала дома, телефон не берёт, у ближайших знакомых её нет. По-любому с ней произошла какая-то нехорошая история.

Возразить на это было нечего. Анна и сама понимала, что у девочки в определённом смысле опасный возраст. Статистика говорила, что дети в возрасте десяти-одиннадцати лет чаще всего становятся жертвами педофилов. Они всё ещё по-детски доверчивы, но более свободны от наблюдения взрослых. У них появляются первые секретки, способные привести к трагедии.

– Держите меня в курсе, – попросила Сkochилова, садясь

в машину.

Из раздумий Анну вывел звонящий где-то под ворохом экспертиз и рапортов телефон. Аккуратно, чтобы не перепутать, она убрала бумаги и взяла аппарат, мельком глянув на номер звонящего:

– Да, Миша? Что-то случилось?

– А почему что-то должно произойти, чтобы муж позволил жене?

– Извини. Как ты просто так звонишь?

– Надо Лерку забрать с гимнастики.

– Сегодня твоя очередь. Ты же знаешь, что у меня завтра передача дела, мне нужно поработать.

– Ты так говоришь, будто одна в семье работаешь! – возмутился Михаил.

Этот разговор повторялся в разных вариациях не первый раз. И каждый раз заканчивался ссорой.

– Почему ты не можешь забрать Леру? – Скочилова очень хотела поскорее завершить начавшуюся перепалку с мужем.

– Потому что у меня образовалось важное совещание, которое я не могу пропустить, – ответил Михаил.

– У тебя в последнее время стало слишком много таких совещаний.

– И что? Я, между прочим, делаю карьеру! Не сижу на одном месте по пять лет.

– Напекаешь, что мне звание не дают?

– Почему ты всё время переводишь всё на себя? Могла бы

просто порадоваться за близкого человека! Но нет, у нас же только твоя работа превыше всего. Только ты у нас вершишь справедливость на улицах города! Все уголовники в страхе шарахаются от одного имени Анны Скочиловой...

– Прекрати. Ты неправ и прекрасно это понимаешь.

– Куда уж мне? Я же просто зарабатываю деньги, чтобы Лера ни в чём не нуждалась.

– Лера ни в чём не нуждается.

– Кроме матери! Тебя же никогда нет дома. Всё по своим зекам таскаешься, а потом приходишь домой и с тобой невозможно поговорить. Через слово все эти твои процессуальные словечки проскальзывают. А мы с дочерью для тебя просто эпизод. Даже неинтересный, потому что ни в суд подать, ни на учёт поставить.

– Не переходи границы, Миш, – щёки Анны пылали.

– А то что? Привлечёшь к ответственности? Административной или уголовной? Тьфу! Я уже начинаю разговаривать, как ты, и понимать, что говорю на этом вашем птичьем языке.

Следователь почувствовала, как защипало глаза. Слезинка замутила взгляд, быстро скопилась в уголке глаза и поползла вниз по спинке носа. Слова муж произносил злым обвиняющим тоном. И во многом он был прав. От этого становилось ещё горше. Анна повесила трубку.

– Здорово, мужики, – майор Дмитриев залез в штабной

микроавтобус. – Полиция.

– Здравствуйте, – сказал Линар и снова уткнулся в экран ноутбука, почти касаясь его носом.

– Григорий, – протянул руку Дашичев. – Я вас ждал. Специально домой не ехал.

– Рассказывайте, что уже сделали? Куда наших отправлять с собаками?

– Вот тут весь район перекрыли, – Дашичев показал на карте. – Но, сами понимаете, мои люди не собаки, след брать не могут. Да после вчерашнего и настоящие собаки, скорее всего бесполезны.

– Да, замело, – кивнул Александр. – Но вы всё-таки вместе поработайте. Ну мало ли. А так вообще зацепок никаких?

– Нет, – с сожалением вздохнул Григорий. – Но нам камеры никто не даёт посмотреть. Может там что-то.

– Камерами мои парни занимаются. Скорее всего теперь по криминалу придётся отрабатывать. Сам понимаешь, сколько шансов осталось на то, что девчонка просто потерялась.

– Недостаточно, – согласился Дашичев. – А выкуп не прошили?

– Пока нет. Я ещё на это надеюсь. Может, решили помуржить родителей, чтобы до кондиции дошли и стали поговорчивей. Только у них там брать нечего. Обычные трудяги. Хата средненько обставлена. Что с них взять?

– Хреново. Так могли быть варианты.

– Ладно. Если что, вот мой прямой номер, – Дмитриев протянул визитку. – Звоните в любое время.

Медведев нажал кнопку звонка, надеясь, что хозяйева дома. Больше всего его интересовала, конечно, Вера Маслова, бывшая любовница Смирнова. Капитан стоял в подъезде, стены которого были чуть не до потолка исписаны похабщиной и непристойными рисунками.

– Да?

Увлёкшись народным творчеством, Сергей не расслышал, как открылась дверь.

– Здравствуйте, – сказал капитан.

На женщине, которая стояла на пороге квартиры, был короткий пеньюар из тонкой ткани, чёрный с золотыми китайскими драконами. А под ним ещё более короткая женская одежда, с названием которой у Сергея возникли проблемы. Раньше, в далёком детстве, у его матери было что-то такое под названием «комбинация». Взгляд полицейского упёрся в глубокое декольте, подчёркивающее пышную грудь женщины.

– Так и будем молчать? – спросила она, уперев красивую ручку в крутое бедро.

– Кхм, – сглотнул Сергей. – Капитан Медведев, полиция. Мне нужно задать вам несколько вопросов. Вы Вера Маслова?

– Документики покажите.

– Вот, – отработанным движением капитан раскрыл корочки, давая возможность прочесть то, что там написано.

– Да, я Вера Маслова. Но я понятия не имею, что вам от меня нужно.

– Это касается Семёна Смирнова. Вам знаком этот человек?

– Был знаком.

– Может, в квартире поговорим? – предложил Медведев, делая шаг.

– Вот ещё! – Вера скрестила руки под грудью, делая её ещё более привлекательной. – Мне не хочется говорить про Смирнова. И вообще, я замужняя женщина. И муж у меня очень ревнивый.

– Но отношения-то со Смирновым у вас были?

– И сплыли! – прошипела Вера, сдвинув брови и сразу став некрасивой. – Что с него взять? Автослесарь – одно слово.

– То есть никаких планов на него вы не строили и мстить ему ни за что не хотели бы?

– Что за бред? Полиции больше делать нечего? Только про бывших козлов-любовничков выпрашивать? Идите бандитов ловить!

– Когда вы видели Семёна в последний раз? – не отставал Медведев.

– Тысячу лет назад. И очень этому рада! До свидания!

Вера грациозно развернулась, вильнула бёдрами и скры-

лась в квартире, захлопнув за собой дверь. Медведев потоптался несколько секунд на площадке и пошёл вниз, набирая номер Дмитриева, чтобы отчитаться.

– Слышь, Хриплый, ты нормально можешь разговаривать? – лейтенант Буклин сидел на шатком табурете, стараясь ни к чему больше не прикасаться в этой маленькой кухне.

– Иди к чёрту, начальник, – отмахнулся сидящий напротив мужичонка, руки которого украшали синие татуировки и белые полосы от давнишних шрамов.

– Сейчас договоришься и пойдёшь к куму отдыхать, – пообещал Буклин.

– А за чё? Ты мне чё предъяву какую кидаешь?

От Хриплого несло перегаром, застарелым потом и какой-то кислятиной, о происхождении которой лейтенант Слава Буклин не хотел знать.

– Я тебя пока нормально спрашиваю, ты где вчера был?

– Здесь я был! – стукнул кулаком по столу Хриплый.

– Кто видел?

– Слышь, начальничек, а у вас чё, опять какую-то девку пощупали? Вы чё сразу ко мне прётесь? Как чуть какой кипеш на районе, так сразу к Хриплому? Я уже два года как откинулся, а вы всё ко мне шастаете. Больше доманаться не до кого?

– Сколько надо столько и будем шастать, – пообещал

Буклин. – С кем гулял?

– А вот это не твоё дело.

– Я ж тебя сейчас...

– Чё? На экспертизу потащишь? – Хриплый, оправдывая своё прозвище, хрипло засмеялся. – Поздно, начальничек.

Бывший сиделец, покачиваясь, поднялся со стула. Чуть присел, широко разведя в стороны руки.

– Не фурычит у меня болтик! На зоне отморозил. Приборчиком теперь только ссать могу! Так что мне до барабана, что у вас там какую-то девку насильничали, понял? Вы мне теперь такое не пришьёте!

– Проверим.

– Да ты проверяй, проверяй, начальничек! Может на тебя встанет! – заржал Хриплый.

Буклин поднялся и несильно стукнул его в челюсть. Хриплый покачнулся и с глухим стуком уселся на пол. Из прикушенной губы потекла кровь.

– За базаром следи, – предупредил Слава, показывая кулак. – А то ведь и не так прилететь может.

Дмитриев как будто попал в девчачье царство. В детской всё было розовым, пушистым и мягким. Пахло карамелью и сладкой ватой. На своей кровати с белым тюлевым балдахином сидела миленькая девчушка с толстой рыжей косой.

– Альбина, – Александр, которому предложили низкий стульчик, старался говорить мягче, – скажи, а когда вы с Ка-

тей играли на площадке к вам никто посторонний не подходил?

Аля посмотрела на маму, стоящую в пороге комнаты, потом на полицейского:

– Только мальчишки из соседнего дома. Но я одного там знаю, он со мной в классе. А другие не из нашей школы.

– А взрослые? Дяденьки какие-нибудь? Кто-то взрослый без детей был на площадке? Что-нибудь вам говорил? Куда-нибудь вас приглашал?

– Нет, – Альбина снова бросила взгляд на маму. – Нам нельзя говорить с незнакомыми. Никогда. Это небезопасно.

– Правильно, – кивнул Александр. – Это тебя мама научила?

– Да! – уверенно кивнула девочка.

– Отличное правило! Всегда слушай маму, – похвалил майор и обернулся к Елене – Вы не могли бы принести водички, пожалуйста?

– Да, конечно. Может быть, чаю?

– Воды будет достаточно. Спасибо.

Дмитриев улыбнулся, включая всё своё обаяние. Елена не смогла сдержать ответной улыбки.

– Так с кем вы говорили на площадке? – шёпотом спросил Дмитриев, обращаясь к девочке.

Аля засопела, опустив глаза и теребя пушистое покрывало.

– Я не расскажу твоей маме, честно слово.

– Там у дяденьки был щеночек. Такой хорошенький. Такой звонкий, – от воспоминаний о собачке Альбина улыбнулась. – Он разрешил нам его погладить. У него такая шерстка красивая, мягенькая и как будто золотая. Я тоже хочу собаку, но мама не разрешает.

– А ты можешь рассказать, как дяденька выглядел? – Дмитриев прислушался к шагам возвращающейся женщины.

– Ну такой, взрослый, – Аля скосила глаза на дверь. – У него ещё на куртке зелёные полосы и по-английски что-то написано. Но я не понимаю такое слово.

– Ты молодец. Ты очень помогла. Но больше никогда с незнакомыми не разговаривай.

– Вот, пожалуйста, – Елена подала майору воду.

– Спасибо.

– «Муха-восемь» штабу. – ожила рация.

– Штаб слушаю, – отозвался Линар.

– У нас контакт. Повторяю, у нас контакт.

– Вас понял, «Муха-восемь». Штаб всем «Мухам» – выйдя на общую волну, сказал Линар. – У нас «стоп». Повторяю, у нас «стоп» по поиску.

Глава 4

– Штаб, это «Муха-два». Что? – в эфире прозвучал взволнованный голос Медички, Людмилы Петровны Зорькиной.

Зорькина работала фельдшером и в отряд пришла вполне сознательно. Она знала, что её помощь всегда будет кстати.

– Нужна помощь? – спросила Медичка.

– Двести, – после долгой паузы отозвался Линар. – Все «Мухи» могут быть свободны. Отбой по поиску.

Парень снял свои огромные очки. Расфокусированный взгляд уставился в запотевшее окно. Эфир переговаривался знакомыми голосами. Вытерев нос ребром ладони, Линар надел очки и взял телефон. Нужно было в первую очередь поставить в известность полицию. Работа «Мухтара» закончилась.

– Смотри! – долговязый Чип сделал стойку, не хуже охотничьей собаки.

Указательный палец вытянулся вперёд и вниз. К небольшому сугробу у лавки. «Муха-восемь», пройдя по маршруту, оказалась на другой стороне парковой зоны, выходящей на другой спальный район. С момента начала их работы прошло почти два часа, чуть больше. Идти по нечищеным дорожкам было сложно, ноги проваливались в сугробы. Действовала на нервы блогер Марго. Девушка ещё несколько раз

пыталась вовлечь поисковиков в разговоры, но наткнулась на хмурые однозначные ответы.

И вот, когда пришло время развернуться и отправиться через парк по другому пути, Чип её заметил.

Из сугроба выглядывала маленькая ручка. Пальчики лежат на снегу. Такие тоненькие, что кажутся ненастоящими. Чип не мог отвести от них глаз. Это не то, что он хотел бы видеть.

– Твою мать! – Дейл толкнул плечом приятеля, чтобы встать с ним рядом.

Как будто кто-то надумал слепить лежащего у лавки снеговика. Или злые дети сыграли жестокую шутку, положив на стылую землю манекен и присыпав его снегом. Чтобы напугать случайных прохожих.

Дейл подошёл ближе, опустил на колени. Снял варежку и дотронулся до детских пальчиков. Всё равно что потрогать ветки деревьев. Жёсткие, негнущиеся, ледяные. Из горла сам собой вырвался протяжный стон. Мужчина аккуратно смёл снег с головы лежащего ребёнка. Из-под полуприкрытых век на него смотрели карие глаза.

– Давай в эфир, – сказал Дейл, обернувшись к Чипу. – Я координаты в группу скидываю.

– Сука, – выругал судьбу Чип и взялся за рацию.

– Ого! Вот это да! – щёки Марго пылали.

Дрожащими от нешуточного волнения пальцами девушка вынула телефон. Чтобы сберечь его заряд, она сунула его

за пазуху. И теперь холод пробирался через расстёгнутую молнию её лыжного костюма. Марго включила фронтальную камеру, быстро посмотрела на себя, поправила шапочку и порадовалась, что выбрала отличную помаду.

– С вами снова Марго! – блогер включила прямую трансляцию. – И у меня для вас, для всех нас, ужасные новости. Только что я вместе со знакомыми вам уже Дейлом и Чипом нашла девочку. Вот, вы можете сами всё увидеть!

Марго крутанулась на пятках, показывая занесённый снегом труп, Чипа, переговаривающегося по рации, и Дейла всё ещё сидящего рядом с телом девочки. Состроив печальную гримаску, она продолжала вещать:

– Сейчас половина третьего дня. Поиски заняли всю вчерашнюю ночь и вот так завершились. Сами всё прекрасно видите, всё очень серьёзно и очень печально. Своё отношение к происходящему, вы можете выразить с помощью эмоджи и комментариев.

– Линар сказал, через десять минут патруль подъедет, – сказал Дейл.

– Угу, – кивнул Чип.

– А теперь дисклеймер – уберите от экрана детей. И сами на время перестаньте смотреть на экран, если у вас слабые нервы, – предупредила Марго. – Я покажу вам, в каком состоянии мы нашли ребёнка.

Переключив камеру, девушка подошла к лавочке, забралась на неё коленями и свесилась прямо над телом. Через

слой снега угадывался силуэт погибшей девочки. Марго поднесла смартфон близко к лицу ребёнка, которое очистил Дейл.

– Это невероятно! – комментировала она происходящее. – Снег лежит прямо на её глазах и не тает. Она совсем как замороженная рыба. Ну знаете, какую продают в этих дешёвых супермаркетах в огромных холодильниках.

Дейл наконец обратил внимание на то, чем занята блогер. Поисковик нахмурился:

– Что ты творишь?

– Ребята, это Дейл. Вы должны были его уже запомнить, – довольно чётко говорила Марго, хотя губы замёрзли и плохо слушались. – Дейл, что скажешь? Что ты сейчас чувствуешь? Ты уже находил трупы? Как ты потом спишь ночью?

– Камеру выключи! – потребовал поисковик. – Ты вообще ненормальная что ли? Зачем ты снимаешь?

– Это не съёмка, – возмутилась Марго, направляя камеру на него. – Съёмка для лохов. У меня только прямые репортажи. Только здесь и сейчас. Я никогда не готовлюсь к тому, о чём буду рассказывать. Я в центре событий и мои зрители достойны того, чтобы узнавать всё из первых рук.

– Идиотка, камеру вырубай. У тебя хоть капля совести есть? – Дейл грубо пихнул руку девушки, чтобы она перестала его снимать.

– Это шок, ребята. Это точно шоковая реакция, – Марго слезла с лавки. – И я прекрасно понимаю. Это нелегко. По-

верьте. Мне сейчас тоже сложно как-то формулировать мысли. Я первый раз участвовала в поиски человека и вот как они трагично завершились. Давайте узнаем у Чипа, что он думает по этому поводу.

– Выруби камеру! – потребовал Дейл, поднимаясь на ноги.

Ему казалось, что эта нагловатая бесцеремонная пигалица каким-то образом обесценивает найденную девочку. Мёртвую девочку, лежащую укрытой снегом, как похоронным саваном.

– Чип, твой приятель явно расстроен. А ты? Что ты чувствуешь прямо сейчас? – Марго подскочила ко второму мужчине, задрав телефон, чтобы в кадр попадало его лицо.

Обычно довольно спокойный Чип, сжал зубы. Все его мысли были сейчас дома рядом с молодой женой и месячным сыном. Внутри появилось сосущее ощущение безысходности и пустоты от одного только допущения, что должны почувствовать родители этого ребёнка. Надежда, которая поддерживала их в эту ужасную ночь, рухнула. Сейчас, в эти минуты, сюда едут патрульные, полиция, эксперты. Машина правопорядка заработает на полную, но уже поздно. Теперь всегда и всё будет поздно для этой лежащей на земле девочки.

А эта чокнутая лезет с бестактными глупыми, откровенно идиотскими вопросами!

– Ты можешь одним словом описать то, что сейчас у тебя в голове? – спрашивала Марго.

– Иди к чёрту со своим телефоном, – Чип вырвал аппарат из её рук и швырнул в сторону.

– Дебила кусок! Он стоит, как ты и твой приятель вместе взятые! – Марго кинулась за смартфоном.

Упав на колени в сугроб, она бережно подняла телефон, смахнула с него снег. К счастью, он не разбился, даже трансляция не прервалась. С удовольствием заметив, что число зрителей приближается к третьей тысяче, блогер заговорила нарочито печальным голосом:

– Это всё эмоции. Вы не представляете, как мне сейчас тяжело находить слова, чтобы разговаривать с вами. И я не держу зла или обиды на парней. Им тоже нелегко. Всё это очень трагично и потребуется немало времени, чтобы осознать и принять произошедшее. Мои мысли сейчас с родителями этой крошки. Что они чувствуют? Знают ли уже о том, что произошло? Или пока всё ещё считают свою дочь живой?

Марго вздохнула, отвела от камеры глаза, посмотрев вдаль. Ладонью осторожно провела по щеке, имитируя, что вытирает слезу. Выдержав трагическую паузу, девушка заговорила:

– Мои хорошие, прямо сейчас наберите своим родным. Спросите их, как они себя чувствуют. Если у вас уже есть детки, просто прижмите их к своей груди. Вы теперь знаете, что всё может закончиться вот так.

Сидя в снегу, Марго навела объектив на детскую ручку. Она не заметила, как к ней подскочил Чип. Вырвав из рук

блогера телефон, мужчина начал наугад нажимать кнопки на боковой панели. Наконец экран погас.

– Слышь ты, собирайся и вали отсюда, – прошипел он, швыряя телефон на колени Марго.

– И сделай так, чтобы мы про тебя больше никогда ничего не слышали, – добавил Дейл.

– Посмотрим, мальчики, – жёстко ответила Марго, поднимаясь на ноги. – Кто вы вообще такие, чтобы указывать мне, что делать?

Но вид двух озлобленных мужчин, заставил её отступить. Отойдя на пару десятков метров, Марго остановилась у большого дерева. Сердце её готово было выпрыгнуть из груди от радости. Такого прямого эфира у неё ещё не было! Огромная живая аудитория. Куча сообщений в чате. Множество сердечек, ползущих сбоку. Нужно сделать фотографии для ленты. И конечно же дожждаться продолжения. Сейчас подъедет полиция и всё закрутится ещё интереснее.

«Всё-таки Костик молодец, что втянул меня в эту тему» – подумала Марго, поплотнее застёгивая молнию на лыжной куртке.

Константин Сергеевич широкой кисточкой очищал труп девочки от снега. Эксперт внимательно следил, чтобы не смахнуть случайно что-то важное – волосок, окурок или какую-нибудь ниточку. Мужчина старался не думать о том, что под мягкой щетиной кисти сейчас промёрзшее тело ре-

бёнка. Он давно научился думать о трупах, как о предметах, а не живых когда-то людях. Но детские тела всегда оставляли глубокий след в душе. Старшая внучка Константина Сергеевича в этом году закончит шестой класс.

Худенькое тельце казалось ещё меньше на снежном покрывале. Девочка лежала на левом боку, чуть вытянув ручку в сторону. Из одежды на ней была лишь маечка и трусики со слабой резинкой. Бельё застиранное, растянутое. На майке несколько мелких дырочек, и она явно коротковата.

– Константин Сергеевич, что? – Анна выскочила из такси, едва рассчитавшись с водителем.

Отдалённый район парка сейчас был наполнен людьми. Патрульные оцепили площадку, обозначив место обнаружения тела лентой в красно-белую косую линию. Волонтёры отвечали на вопросы Буклина. Какие-то люди стояли за ограждением и тянули шеи, чтобы рассмотреть происходящее. Скочилова всегда удивлялась тому, как быстро собирается толпа, чтобы поглазеть. Даже в самом глухом месте всегда найдётся парочка посторонних людей, которые будут во все глаза наблюдать за работой группы.

– Сама смотри, – ответил Константин Сергеевич. – Тело основательно промёрзло, значит находится здесь как минимум десять часов. По времени смерти ничего не могу сейчас ответить. Сама понимаешь, погодные условия сыграли. Нужна комплексная экспертиза.

– Травмы?

– На первый взгляд ничего. Только вот на сгибе локтя характерная «дорожка».

Эксперт аккуратно перевернул лёгкое тело мёртвого ребёнка. На худенькой ручке возле локтя небольшие округлые синячки.

– Не за раз появились ведь. У них цвет разный, – Анна присела рядом с экспертом.

От земли шёл холод, поднимался по ногам, затянутым в плотные колготы, проникал под форменную юбку. Анна тысячу раз пожалела, что не надела брюки. Но их нужно было не только вынуть из стиральной машинки, а ещё просушить и погладить. Сил на это вчера уже не осталось.

– Ты права, Аня Валерьевна, – кивнул Константин Сергеевич. – Вообще, если ты спросишь меня не как эксперта-криминалиста, а как человека, то ребёнок выглядит замороженным. Там что с родителями? Неблагополучные?

– Да нет, – пожала плечами следователь. – Всё, как у всех. Обычная семья. В комнате девочки всё необходимое, на кухне чистота.

– А бельишко у ребёнка старое и несвежее.

– А почему она вообще без верхней одежды? – сказала вслух Анна, осматривая труп.

– Вот это я тебе не скажу, – Константин Сергеевич упаковывал латексные перчатки в пакетик.

Анна пропустила слова эксперта мимо ушей. Первый шок от увиденного прошёл, и женщина начала видеть детали. Де-

вочка была острижена. Можно даже сказать обрита наголо. Только коротенький ёршик волос покрывал череп. Бледное личико с посиневшими губами из-за этого казалось круглее. Оттопыренные ушки, короткие редкие ресницы, неровные зубки виднеются между приоткрытых губ. Что-то было не так.

– Вам нужно проехать со мной, – Дмитриев был в квартире Смирновых.

С утра Виктория ещё больше осунулась, как-то согнулась и постарела. Или это дневной свет делал заметными морщины, оттеняя тревожность и отчаяние женщины. Семён держался лучше, хотя и не знал, куда деть руки.

– Вы нашли Катю? – Вика вцепилась в руку майора.

Даже через рукав куртки Александр почувствовал её силу. Она цеплялась за него, как утопающий за соломинку. Заглядывала в лицо испуганными глазами, где едва-едва теплилась надежда.

– С ней всё в порядке? Да? Она у вас в участке? – задавая вопросы, женщина дёргала его за руку.

– Почему вы молчите? – голос Семёна дрогнул. – Что?

– Девочку нашли в парке. Нужно, чтобы вы проехали со мной на опознание, – сказал Дмитриев.

Несмотря на весь его цинизм, говорить такое родителям ребёнка оказалось непросто. Виктория всё ещё заглядывала ему в лицо, но сказанное уже доходило до её сознания. Жен-

щина отпустила рукав полицейского, поднесла ладони к своему лицу. Сжала пальцы, прижала кулаки ко рту и страшно закричала, одновременно опускаясь на пол.

– Вика! – Семён бросился к жене.

Она продолжала кричать, подвывая и корчась на полу, собирая под собой коврик. Муж пытался её прижать к себе, но она отбрыкивалась, раздирая ногтями свои щёки в кровь.

– Майор Дмитриев, вызов примите срочный, – майор звонил в «скорую».

– Слава, что волонтеры рассказали? – Анна подошла к оперативнику.

– Ничего такого. Они уже заканчивали на этом маршруте, когда нашли тело, – ответил Буклин, немного тушевавшийся при следователе.

– Ну и вряд ли кого-то подозрительного видели.

– Ага. Тут почти никого и не бывает. Я местных собачников спросил, площадка для выгула немного в другой стороне.

– Понятно. А Медведев где?

Слава зачем-то посмотрел на наручные часы:

– Серёга пошёл камеры наружные искать по той стороне.

Лейтенант кивнул на видневшийся через дорогу от парка спальный район. Анна повернулась, чтобы осмотреться. Ближайшие дома находились метров за двести от места, где поисковики нашли мёртвую девочку. Даже самый зоркий че-

ловек, вышедший на балкон или просто смотрящий в окно, вряд ли смог бы разглядеть, что здесь происходило. Тем более ночью. Тем более в такую непогоду, которая разыгралась накануне.

– Хорошо, – Скочилова повернулась к лейтенанту. – Ты тогда дождись кинологов, они сейчас подъедут. Потом пройдишь по периметру парка и тоже посмотри, вдруг где-то камеры ещё висят.

– Да, Анна Валерьевна, сделаю, – робко улыбнулся Буклин.

Переступая по своим же следам, Анна вернулась к лавке. Сапоги насквозь промокли. Комки снега набились внутрь, таяли там, забирая тепло её тела. В голове следователя помимо воли проносились мысли о цистите и воспалении яичников. Своих коленей от холода она уже не чувствовала.

Санитар в тёмно-синей куртке и таком же комбинезоне подошёл к телу ребёнка. Его напарник остановился рядом, укладывая на снег брезентовые носилки. Тишина упала на эту часть парка. Только потревоженные птицы переговаривались, внося хоть какие-то звуки. Люди застыли, глядя на скорбные действия.

Мужчина осторожно, будто спящую, подхватил девочку, поднял её на руки.словно большая, слишком реалистичная, кукла, девочка оставалась прямой. Вытянутые худые ножки, ручки, как тростинки. Брезентовые носилки оказались велики для детского трупа.

Где-то позади гавкнула собака и замолчала. Заскрипел снег. Люди задвигались, кто-то поторопился уйти.

– Аня Валерьевна, я поехал. Ты со мной? – спросил Константин Сергеевич.

– Нет. Мне сейчас надо протокол по волонтерам оформить. Дмитриев должен к вам родителей привезти на опознание.

– Э-хе-хех, – выдохнул Константин Сергеевич. – Ну так я поехал.

– Я позже у вас буду.

– Только, деточка, на правах старого друга скажу, надень что-нибудь потеплее. Сил нет на тебя смотреть.

Виктория шла по коридору морга, едва переставляя ноги. Семён крепко держал жену за талию, прижимая к себе. Врач «скорой» вколол женщине приличную дозу успокоительного.

– Давление сто семьдесят на сто двадцать, – взволнованно сказал фельдшер, обращаясь к Дмитриеву, как к самому спокойному человеку в квартире. – Тут бы хорошо госпитализировать. Нужно наблюдение.

– Виктория, вы готовы поехать в больницу? – переадресовал вопрос майор.

– Что? Нет. Нет. Там моя девочка. Мне нужно туда, – женщина поднялась с дивана, но тут же была вынуждена лечь обратно. – Голова кружится.

– Что нам делать? – Семён стоял в пороге комнаты, руки его мелко дрожали.

Мужчина был растерян. Шокирующие новости обрушивались на него, разбивая привычный спокойный мир. Со вчерашнего вечера жизнь их семьи навсегда изменилась и больше никогда не будет прежней. В груди Смирнова образовалась огромная воронка пустоты, в которую утекали все чувства. От нервов у него разнылась нижняя челюсть так, что когда Семён говорил, то почти не разжимал зубов.

– Я бы посоветовал поехать с нами. Хотя бы побыть под наблюдением, пока давление не придёт в норму. Не собираюсь вас успокаивать, это очень плохой признак, – сказал медик, снимая с шеи стетоскоп.

– Я никуда не поеду, – Виктория протянула руку мужу. – Сеня, я никуда не поеду!

Она говорила плаксивым голосом, но глаза оставались сухими и воспалёнными. Семён подошёл к дивану, присел рядом с женой и позволил ей ухватить себя за руку. Вика заглядывала ему в лицо, но у Смирнова не оставалось сил ответить ей тем же. Взрослый мужчина сам находился на грани нервного срыва.

– Минут через десять лекарство подействует, – фельдшер подошёл к Дмитриеву. – Ей станет лучше. Но вы присматривайте. Дело может закончиться инсультом.

– Хорошо, док, – кивнул майор.

– А вы действительно куда-то собираетесь с ней ехать? –

спросил фельдшер шёпотом.

– Да. В морг, – отозвался Александр.

– Кхм, – смутился медик. – Что ж. Я всё, что мог на месте сделать, сделал. Сейчас хотя бы полчаса ей дайте, чтобы войти в норму. При любом изменении, немедленно вызывайте нас.

– Спасибо, – кивнул Дмитриев, провожая фельдшера до двери.

Лекарства действовали, превратив женщину в сомнамбулу. Она механически сунула руки в рукава куртки. Семён попробовал застегнуть молнию, но никак не попадал бегунком в кончик змейки.

– Я помогу, – сказал Дмитриев, решительно отстранив Смирнова. – Одевайтесь. И возьмите документы.

Виктории было всё равно, что её одевает чужой мужчина. Она не сопротивлялась, когда полицейский надел её на голову шапку, которая не подходила к этой куртке. Семён метался по квартире, заглядывая в ящики и шкафы. Он никак не мог вспомнить, где у них хранятся документы. Что-то при поисках падало у него из рук. Он пытался поднять, но ронял снова.

– Вот, – Смирнов даже на миг улыбнулся, найдя в верхней шухлядке комода пластиковую папку. – Сейчас найду. А что брать?

– Давайте мне, – майор отобрал весь пакет. – Одевайтесь. На «скорую» и сборы ушёл час. Это время слишком до-

рого стоило Александру и потребовало всей выдержки. Ему очень хотелось как следует встряхнуть Смирнова, чтобы привести его в чувство. Да, то, что им сейчас предстоит пройти, непросто, но и раскисать до такого состояния Александр считал непростительным.

Перед дверью прозекторской Дмитриев остановился. Смирновы выглядели совершенно дезориентированными – остановившийся, безучастный взгляд Виктории, взволнованный у Семёна. Смирнов прижимал к себе жену, словно боялся, что и её может потерять прямо сейчас.

– Константин Сергеевич, можно? – заглянув в кабинет, спросил Дмитриев.

– Да, проходите.

Эксперт успел подготовить тело – уложить его на стол и накрыть простынёй. Замороженная плоть не давала возможность начать подробную экспертизу немедленно. Константин Сергеевич, переодевшийся в хирургический костюм, белый халат и разношенные резиновые кроксы, напоминал скорее детского врача, чем судебного патологоанатома.

Под включенной бестеновой лампой на кафельном столе лежало тело мёртвой девочки, накрытое простынёй, только что полученной из медицинской прачечной. Тело было слишком мало для стола. Рядом на инструментальном столике стоял лишь пузырёк с нашатырным спиртом. Константин Сергеевич постарался, чтобы рядом не оказалось ниче-

го, что говорило о том, что именно здесь будет проходить вскрытие тела.

Перешагнуть через порог. Простое действие, которое с трудом далось семье Смирновых. Затуманенным взором Виктория обвела светлое помещение. Дёрнулась назад, увидев накрытое тканью тело.

– Подходите, – мягко сказал Константин Сергеевич, чутко наблюдая за поведением родителей.

Дмитриев зашёл так, чтобы видеть их лица. Нужно было отследить реакцию. Любая мелочь может выдать убийцу. В том, что ребёнка убили, никаких сомнений у майора не возникало. Маленькие девочки не убегают сами в дальний конец парка, за несколько километров от своего дома, не раздеваются до нижнего белья, бросив одежду где-то в другом месте. Маленькие девочки не замерзают в сугробах. Александр мельком глянул на эксперта и коротко ему кивнул, предлагая приступить.

– Вы готовы? – спросил Константин Сергеевич.

Вика отчаянно замотала головой, поднесла кулак ко рту и закусила согнутый указательный палец, чтобы не закричать от ужаса. Страх поселился в ней, едва она переступила порог этого мрачного заведения, которое внутри ничем не отличалось от обычной больницы. Успокоительное притупило чувства, но сознание выныривало из лекарственного тумана и вопило о том, что происходящее не должно происходить. «Это всё бред! Это неправда! Неправда» – повторяла себе

женщина.

– Да, – севшим до сипа голосом сказал Сеня, придвинувшись на полшага ближе к столу.

Ему хотелось убежать. Ноги подкашивались, будто из коленей вынули кости. Во рту пересохло, язык прилипал к нёбу.

Константин Сергеевич взялся за конец простыни и осторожно отогнул её, открывая тело до груди. Семён отшатнулся. Вика, наоборот, оперлась о стол руками и заглянула в лицо мёртвому ребёнку. Она внимательно посмотрела на найденную девочку, перевела взгляд на эксперта, потом на майора. На щеках женщины выступил румянец, а на глазах слёзы.

– Это не она! Это не Катя! Это не Катя! – кричала Виктория.

Смирнова отвернулась от трупа. Она выглядела несколько обезумевшей, когда взяла мужа за края расстёгнутой куртки принялась его трясти.

– Сеня, это не Катя! Ты же видишь, что это не она? Это не наша девочка!

Улыбка то появлялась на её лице, то гасла без следа.

– Вы уверены? – спросил Дмитриев, подходя ближе к беснующейся женщине.

– Конечно! – безапелляционно сказала Виктория твёрдым тоном. – У Кати голубые глаза и ямочка на подбородке. У неё длинные волосы. Катюша просто красавица. А это не мой

ребёнок! Вы слышите, это не мой ребёнок!

Виктория начала хохотать и плакать одновременно. Семён обнял жену, чтобы успокоить. Он пристально смотрел на тело на столе.

– Это точно не Катя, – сказал мужчина. – у Катюхи такая же родинка.

Смирнов отогнул ворот своего свитера и вытянул шею.

– Это не может быть шоком? – уточнила Анна.

Скочилова пила чай из большой кружки невнятного жёлто-кофейного цвета. Горячий напиток с огромным количеством сахара прокатывался по пищеводу и попадал в желудок. От этого тепло разливалось по всему телу. Но следовательно всё никак не могла согреться.

– Аня Валерьевна, если ты сейчас же не переобуешься, хотя бы, ты заболеешь. Это я тебе как врач говорю, – увещевал Константин Сергеевич.

– Я приду к себе в кабинет и переобуюсь. Вы мне про родителей расскажите.

– Да они в полном шоке были, – вставил Дмитриев, чай которому тоже предложили, но он отказался. – Такое сыграть невозможно. Смирновой повторно «скорую» пришлось вызвать, у неё нервный припадок какой-то начался.

– Но девочка – точно не Катя?

– Нет, – мотнул головой Дмитриев. – Я фотки сравнил. Практически ничего общего.

– И всё же есть сходство?

– Только примерный возраст, – развёл руками Константин Сергеевич. – И примерно одинаковое телосложение.

– Причина смерти? Переохлаждение?

Анна передёрнула плечами, вспомнив какой мороз стоит на улице. Переохлаждения – первая мысль, которая напрашивается сама собой.

– Не могу сказать. Нужно время, чтобы тело оттаяло, и только тогда я смогу приступить к подробному исследованию.

– Ну повреждений же нет? Я ран не заметил, – Александр украдкой смотрел на коленки Сkochиловой.

– Вы правы, – согласился Константин Сергеевич. – Явных повреждений на теле нет. Кроме следов от множественных проколов на сгибах обеих рук. Ещё у ребёнка отсутствует верхняя правая двойка.

– Что отсутствует? – переспросил майор.

– Зуб, – пояснил эксперт. – Вероятно, выпал молочный. Хотя это довольно поздно, если предположить, что девочке от десяти до одиннадцати лет.

Тело ребёнка лежало на столе в соседнем помещении. Взрослые старались говорить негромко, будто боялись потревожить её сон. Температура в прозекторской была невысокой, и оттаивание происходило медленно.

– Так, – Анна поставила кружку с остатками чая на стол эксперта. – Александр Борисович, нужно установить лич-

ность ребёнка. Поднимите сводки о пропавших. По городу и по области. Давайте пока ограничимся ближайшими неделями.

– Понял.

– Потом, – продолжила Анна. – Сделайте фотографию. Пусть ребята из компьютерного отдела поработают. Нужно сделать несколько вариантов девочки с волосами. И пройтись по школам. Должна же она где-то учиться. В приоритете ближайшие дома и школы.

– Как будто этот псих не мог привести ребёнка откуда-нибудь ещё, – буркнул Дмитриев, хрустнув пальцами.

– Я сказала «в приоритете», а не «именно в ближайших». Или вам нужно написать отдельное поручение? Извините, прямо сейчас не могу, нужно вернуться в кабинет, у меня там бланки.

– Вы, Анна Валерьевна, наверное, думаете, что кроме вас никто работать не может? И уж тем более выдвигать какие-то рабочие версии!

– Я думаю, что каждый должен делать свою работу, Александр Борисович.

– Вот и не учите меня! У меня есть свидетельские показания про странного мужика, который приставал к детям. И я собираюсь проверить в первую очередь их.

– Может быть, полиция начнёт ставить следственный комитет в известность о свидетелях по делу? – возмутилась Сkochилова.

Марго забралась на кресло с ногами и закуталась в классный плед со звёздочками и сердечками, который не раз уже мелькал в её блоге и получал кучу хороших комментариев. От холода, усталости и выпитого энергетика девушку потряхивало. Ноги гудели, в голове путались мысли. Но она была счастлива. Попивая какао из широкой чашки, Марго перечитывала сообщения, присланные подписчиками.

– Как можно быть такой бессердечной? – читала она выразительно. – У людей горе, а ты камерой в лицо? Отписка!

Ткнув пальчиком в экран смартфона, Марго отправила автора сообщения в бан. И перешла к следующему:

– Молодец! Такая смелая. Я бы ни за что не пошла.

– Крутая съёмка.

– Это, типа, постановка? Я чё-то пропустил?

– Ааааа, Марго! Ты в теме! Сейчас все каналы про это орут.

Последнее сообщение Марго прочитала с особой гордостью. Именно она скинула фотку знакомой журналистке, на которую была подписана в соцсети. И пообещала интервью из первых уст. Попросив взамен самую малость – ссылку на свой аккаунт. Поёрзав на кресле, девушка снова запустила видео.

– Как только что нам стало известно, – говорила в микрофон красивая журналистка, – было найдено тело пропавшей накануне школьницы. Вы можете видеть работу следствен-

ной группы.

Камера развернулась, демонстрируя зрителям заснеженный парк, скамейку и окруживших её людей. Оператор приблизил изображение. Тело мёртвой девочки вынимали из сугроба. На глазах ребёнка появился чёрный прямоугольник.

– В поисках Кати Смирновой, вышедшей из своего дома на прогулку примерно в два часа вчерашнего дня, принимало участие более сотни добровольцев. Слаженные действия людей спасли жизни нескольким прохожим, оказавшимся на улице в непогоду, которая накрыла город ближе к вечеру. Всю ночь волонтеры из поискового отряда «Мухтар» обходили улицы, заглядывали в подъезды, в подвалы, на чердаки, в канализационные люки. Были опрошены друзья девочки, знакомые, родственники и ближайшее окружение.

Журналистка сделала трагическую паузу. Ветер трепал её идеально уложенные каштановые волосы, отливающие в солнечном свете мёдом.

– Но чуда не произошло. Ребёнка нашли мёртвым примерно около часа назад. Это сделали волонтеры. К сожалению, мы живём в таком мире, где простые люди порой оказываются гораздо более собранными, ответственными и эффективными, чем служащие правоохранительных органов.

У нас есть уникальная возможность напрямую пообщаться с участником поисков. Это Марго, блогер, ведущий один из популярных аккаунтов в сети.

Камера сдвинулась и Марго оказалась в кадре. Её лицо напоминало траурную маску. Прилагать усилия, чтобы выглядеть соответственно не пришлось, – лицо просто замёрзло от долгого пребывания на улице.

– Марго, почему вы оказались в числе волонтеров? – спросила журналистка, подставив ей микрофон.

– А как иначе? Я не смогла остаться в стороне. Моё сердце сжалось, когда я узнала, что в нашем городе пропал ребёнок. И я, естественно, пришла в отряд, чтобы помочь.

– Как долго вы находились непосредственно на поиске?

– Вчера вечером я была здесь недолго, моему другу стало плохо и мне пришлось отвезить его домой. У него лёгкое обморожение, но всё будет в порядке. Потом я вернулась. Собственно, я была в той группе, которая нашла Катю.

– Это тяжело. Я имею ввиду, искать живую девочку и найти тело.

– Неимоверно, – Марго на мгновение прикрыла лицо ладонями. – Это очень трудно. Просто эмоциональное опустошение. Я не знаю, как такое можно пережить. Просто очень-очень трудно сейчас разговаривать на эту тему.

– Спасибо за ответы и за ответственность, – сказала журналистка, и оператор сосредоточил кадр на ней: – Трагическая история Кати Смирновой только начинается. Следственные органы, насколько нам известно, уже возбудили дело по статье «Убийство» в части «Убийство малолетнего». Хочется надеяться, что расследование не будет иметь затяж-

ной характер, преступник или преступники будут найдены и преданы суду. Мы обещаем держать вас в курсе происходящего.

Марго улыбнулась – наступал её час славы. И нужно сделать всё, чтобы закрепиться. За два часа с момента выхода этого сюжета, её аудитория выросла на тысячу сорок три человека. «Нужно Костику дать, – решила Марго. – Такую тему подогнал! Не жалко».

Дмитриев сидел в машине уже минут сорок. Майор припарковался так, чтобы видеть и детскую площадку, и проход к домам. Мороз немного ослаб, температура поднялась до минус пятнадцати. Но сидеть в металлической коробке от этого не стало теплее. Александр сунул руки подмышки, стараясь сохранить тепло. Иногда на несколько минут он запускал двигатель, чтобы прогреть салон.

Быстро темнело. Зажглись фонари, освещая домики, горки и прочие конструкции. Две мамы, наблюдавшие за своими детьми, топтались на месте. Дети, наряженные в яркие комбинезоны, с криками носились по площадке.

Сначала Александр заметил собаку. Щенок размером с большого кота, довольно упитанный и пушистый, пулей влетел на площадку. С красной шлейки свисал поводок и тянулся за ним. Щенок звонко залаял, виляя хвостом. Дети тут же бросили свои игры и помчались к собаке. С разбегу упав на колени рядом с животным, они принялись его гла-

дить, позволяя облизывать себя.

– Тоня, перестань! – одна из мамаш поспешила к ребёнку.

– Да пусть играют, – махнула рукой другая.

– Не надо нам таких игр! – женщина взяла упирающуюся дочь за руку и поволокла домой.

Девочка выворачивала назад голову и канючила, отказываясь уходить.

– Мама! Мам! Давай его себе заберём? – мальчик барахтался в снегу, обнимая вертявого щенка.

– Он же чей-то.

– А чей?

– Я не знаю.

– Давай, будет наш? Ну пожалуйста! Ну, мам!

Мужчина, несколько моложе, чем его описывала Альбина, добежал до ворот на детскую площадку. На коленях его утеплённых штанов красовались красноречивые снежные нашлёпки. Поправив съехавшую на бок шапку, он пошёл внутрь. Дмитриев напрягся. Нечего взрослому мужику делать там, где есть дети.

Тем временем мужчина дошёл до играющего с собакой ребёнка. Протянул руку, потрепал мальчика по голове одной рукой, второй сделал то же самое с собакой. Мамаша стояла как ни в чём не бывало, не препятствуя. Щенок подскочил, обежал вокруг мужчины и дёрнулся в сторону, залившись гавкая. Поводок, зацепившись за ботинок, обвился вокруг ноги человека. И вот он уже упал на снег рядом с ребёнком.

ком. Мальчик захохотал. Мужчина принялся его щекотать через одежду.

– А ну стоять, скотина! – Дмитриев направил на мужчину пистолет.

Женщина вскрикнула, шагнула к полицейскому, но напоровшись на его злой взгляд застыла.

– Ребёнка уведи, курица! – приказал майор, не сводя глаз с мужчины. – Ну!

– Герман! Герман, иди сюда, – мамаша наклонилась и рывком подняла сына на ноги.

– А это чё, настоящий пистолет? – спросил ничуть не испуганный мальчик.

– Забирай ребёнка и уходи, – говорил Александр грубо и чётко.

Щенок пулей пролетел мимо, топая как маленькая лошадь. Развернулся, добежав до сетки, и помчался назад. Женщина бегом повела сына к домам. Мальчик шёл, держа её за руку. Они ни разу не оглянулись – страшно.

– Где ребёнок? – спросил Дмитриев, не отводя пистолет от испуганного мужчины.

– Какой ребёнок? – не понял тот.

– Ты мне голову не морочь. Катя Смирнова где? Куда ты её увёл?

– Это девочка, которая пропала? Так её же нашли. в новостях передавали, – мужчина сделал попытку подняться.

– Лежать, завалю! – скомандовал Александр. – Нашли

не Катю, а твою предыдущую жертву. С одной наигрался, другую забрал? Где ребёнок?

– Послушайте, молодой человек, – мужчина поднял обе руки, – я понятия не имею, о чём вы толкуете.

– Есть свидетель, который видел, как ты щенком своим приманивал детей.

– Арчик просто любит детей. Он иногда вырывается и несётся сюда. Лабрадоры очень дружелюбные собаки. Он никого не укусит.

– Где ребёнок? – Дмитриев прижал ствол пистолета ко лбу мужчины.

– Но, но, но... – как заведённый повторял собачник. – Я здесь ни при чём! У меня и в мыслях никогда не было обидеть ребёнка. Умоляю, не стреляйте!

– Ночью где был?

– На работе! Я на стоянке подрабатываю, один через два.

– Камеры там есть? Кто может подтвердить?

Версия рассыпалась. Майор записал данные мужчины и поехал проверять. Даже если всё так, как говорит собачник, только после полной проверки Александр сможет успокоиться.

Анну знобило. По пути домой пришлось забежать в круглосуточную аптеку. Очень хотелось забраться в горячую ванну, потом закутаться в любимый старый халат и поесть, наконец, нормальной еды. Простой домашней жизни. Погово-

ритель с мужем, узнать, как дела в школе у Леры, что у неё с гимнастикой. Расслабится и забыть хотя бы до утра, что она следователь.

Мысли всю дорогу возвращались к одному и тому же разговору с начальством. То, что найденная девочка не Катя Смирнова, внесло путаницу. А ещё у Сkochиловой появились очень нехорошие подозрения.

– Объединять дела? – возмущался Пётр Глебович. – Вы ещё, Анна Валерьевна, про маньяка кому-нибудь скажите. Нам ведь нужна шумиха и паника. Или комиссия сверху. Чтобы уж совсем хорошо жилось. Да?

– А вы понимаете, что пропавший ребёнок и найденный мёртвый ребёнок в одном и том же районе – это не совпадение.

– Почему нет?

– Потому что так не бывает!

– Территориально граница проходит где-то посреди парка, так что это разные районы города.

– Это всё казуистика. Вы же понимаете, что такие совпадения неслучайны. И не может у нас быть сразу двух преступников с одинаковым типажом жертв.

– Так вы считаете, что Смирнова мертва? – Пётр Глебович сложил руки на столе.

– Требований о выкупе не поступало, девочка не объявлялась за сутки, её никто не видел позже пяти с четвертью часов вчерашнего дня. Никаких детей без взрослых в больни-

цы не поступало. Как ни печально, но нужно признать, что вряд ли мы отыщем Катю живой.

– А область? ДТП могло произойти. И водитель, чтобы скрыть преступление, погрузил ребёнка в машину и вывез за пределы города. Скажите, такого не могло случиться?

– Теоретически могло.

– Так вот завтра с утра и отработайте эту версию.

– Пётр Глебович, ну а что с найденной девочкой?

– Возбудите ещё одно дело. И ведите его. Но, – начальник поднял указательный палец, – даже не думайте их объединять. И не нужно смотреть такими глазами. Если, я повторяю, если в ходе следствия вы обнаружите связь между делами, то вот тогда придёте и доложите.

Анна вздохнула. Она чувствовала, что права. Что никак нельзя отрывать одно дело от другого. Но начальству виднее. Сkochилова была благодарна уже за то, что дело по найденному в парке трупу не отписали кому-то другому.

– Я дома! – громко сказала Анна, переступая порог квартиры.

– Мамулька! – Лера вприпрыжку выскочила из своей комнаты и бросилась обниматься.

– Привет, золотце, – Анна чмокнула дочь в макушку. – Сумку на кухню носи.

– А ты мне что-нибудь купила? – девочка понесла продуктовую сумку, заглядывая внутрь.

– Там яблоки. Только помой! – Анна расстегнула молнию

на сапогах и с нескрываемым удовольствием сняла обувь.

– Сказать было трудно? – на пороге гостиной стоял Михаил, скрестив руки на груди.

– Про что? – ей не понравился его обвиняющий тон, но после трудного дня не хотелось никаких скандалов.

– Что Лерку твой водитель заберёт? Я, как идиот, всё отменил, примчался. Захожу – а всё, занятия закончились, детей почти нет. А мне говорят, что Леру уже забрали. Это как по-твоему?

– Миш, я не понимаю, что не так? Ты позвонил, сказал, что не сможешь встретить нашу дочь. Я отправила дядю Лёню. Всё хорошо, – Анна почувствовала, как начала болеть голова.

– Я выглядел полным кретином!

– Знаешь, раз ты смог перенести своё важное совещание, значит оно не такое уж и важное.

– Ну конечно, у нас только твоя работа важнее всего!

– Миша, хватит. Я устала, я хочу в ванну, я хочу согреться и поесть.

– Я, я, я и снова я!

– Прекрати!

Лера держала большое красное яблоко под струёй горячей воды. Брызги летели во все стороны, но она сделала напор ещё сильнее. Вода бежала, шумела и немного заглушала родителей. Они снова ругались. От этого ей хотелось плакать. А ещё сжаться в маленький-маленький комочек, чтобы ни-

кто не видел. Внутри было нехорошее ощущение нарастающей пустоты, тревоги и страха. Лера крепко зажмурилась, чтобы не заплакать.

Глава 5

– Мне никак нельзя болеть. Только не сейчас. У меня в производстве восемь дел и одно уже у прокурора, там суд через неделю, – Анна шмыгала носом.

– А я говорил, что нужно одеваться теплее. Ты ж не девочка уже, пора признать.

– Спасибо вам, Константин Сергеевич.

– Пожалуйста, – улыбнулся эксперт, пододвигая следователю коробку бумажных салфеток. – Ты, Аня Валерьевна, зачем сама пришла? Я бы бумаги отправил, с интернетом проблем нет.

– Не могу я, – призналась Скочилова. – Как подумаю, что девочка мёртвая у вас тут лежит, не по себе становится. Тоненькая такая, хрупкая, почти, как моя Лерка.

– Вот это ты брось! – посерьёзnel эксперт. – Ты на себя и семью свою трупы не примеряй. Нехорошо это. Кстати, как Валерия? Давно её не видел.

– Нормально Валерия, – вздохнула Анна. – Я думаю, что нормально. Я её тоже слишком мало вижу. Иногда думаю, она замуж выйдет, а я не замечу.

– Заметишь. Это уж точно заметишь. Тебя ж в этот день от службы отстранят.

Разговаривать с Константином Сергеевичем Анна любила всегда. Даже когда приходила в морг школьницей, сопро-

вождая отца. И потом бывала здесь не раз на лекциях и практических занятиях. Старый эксперт умел находить нужные слова.

Вытерев капающий нос очередной салфеткой, Сkochилова перешла к тому, ради чего приехала на другой конец города.

– Что результаты?

– Отвратительные результаты, – нахмурился Константин Сергеевич. – Просто невозможно отвратительные.

Он вынул из лотка с бумагами полупрозрачную папку с подготовленными документами. Там же находились рентгеновские снимки, цветные фотографии и расшифровки анализов. Передав документы следователю, эксперт закрыл глаза и потёр их двумя пальцами.

– Умерла девочка не от переохлаждения. Её уже после наступления смерти принесли в этот парк на эту лавку. Расположение трупных пятен даёт понять, что в момент наступления смерти ребёнок лежал на спине. И оставался в таком положении как минимум пять-шесть часов после.

– То есть её держали в тёплом месте, а потом просто выкинули? – Анна перебирала бумаги в папке, внимательно слушая пояснения.

– Да, – подтвердил эксперт. – И ещё я думаю, что при жизни ребёнок вёл малоподвижный образ жизни. По крайней мере, последний месяц активность была минимальной. Таким же минимальным было питание. Ребёнок крайне истощён, жировой ткани практически нет. Налицо дистрофия

мышечной массы.

– Морили голодом? – ужаснулась Анна.

– В желудке и кишечнике никаких остатков пищи я не нашёл. Даже воды.

– Девочка погибла от голода? Сколько ребёнок может прожить без воды и пищи?

– Прожить может около недели, если будет достаточно тепло и если организм не ослаблен ничем иным. Но погибла она не от этого. В крови трупа превышено содержание лекарственных препаратов. Очень серьёзные препаратов, Ань. И, я не знаю, как правильно и просто это назвать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.